

The background is a dense, multi-layered collage. At the top, a cityscape with a prominent domed building is visible. A large, dark, textured shape, possibly a hand or a shadow, dominates the center. Within this shape is a circular inset containing a green-skinned face with human-like features. To the left, a tiger is depicted in a dynamic, almost leaping pose. The overall color palette is dominated by earthy tones, with the green face providing a stark contrast.

Игорь Каплонский

Ангелы
Монмартра

Фантастическая проза

Игорь Каплонский

Ангелы Монмартра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805185

Игорь Каплонский. *Ангелы Монмартра: Снежный Ком М; Москва; 2011*
ISBN 978-5-904919-24-5

Аннотация

Париж, Монмартр, 1914 год. Время нового искусства. Модильяни, Аполлинер, Пикассо молоды и гениальны. Счастье – в творчестве, жизнь и искусство неразделимы. Но на пороге война, грозящая разрушить идиллию безудержного творчества...

Безвестный художник на сутки обретает абсолютную свободу вне добра и зла. Ему предстоит справиться с непосильной ношей – ответственностью за весь мир – и не потерять при этом своей индивидуальности.

Что даст райский плод, сорванный на заре мира, и куда приведут грезы наяву? К Ангелам? Или к Демонам?

«Роман Игоря Каплонского «Ангелы Монмартра» — книга многоликая. История всепобеждающей любви; повесть о художниках и великой силе мастерства. «Art fiction» — нереальное искусство в реальных декорациях. Мистическая драма перерастает в высокую трагедию. Романтизм и мягкая ирония, точность деталей и шквал страстей...

А еще это одна из лучших книг, что мы прочли за последние годы» (Г.Л.Олди).

Содержание

Часть I	4
ПРОЛОГ	4
Глава 1. Хмельные ядра той-той	28
Глава 2. Такси и палуба	58
Глава 3. Бронзовая треуголка Архипенко	86
Глава 4. Цыганка и капитан	113
Глава 5. Карибский ветер над Монмартром	134
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Игорь Каплонский

Ангелы Монмартра

(холст, масло)

Мы, как падающие ангелы ясного вечера, должны заклинать ночь. Художник обезумел, его затопила ночь искусства, потом – ночь смерти. Он шел, потому что «звуки небес» не забываются. Это он написал однажды голову неслыханной красоты; быть может, ту, которая не удалась в «Тайной вечере» Леонардо.

А. Блок. Памяти Врубеля

Кто сильно страдает, тому завидует дьявол и выдворяет его – на небо.

Ф. Ницше. Злая мудрость, 232

Часть I

Художник из XVIII округа

ПРОЛОГ

Париж. Суббота, 1 августа 1914 года, 1:20 пополудни
По мосту Александра III со стороны Эспланады инвали-

дов шел человек.

Впрочем, странное перемещение высокой, нескладной фигуры с трудом можно было назвать обычной походкой. Подчиняясь лишь ему слышной музыке, человек вальсировал вдоль перил, от статуи к статуе, от фонаря к фонарю, удаляясь и возвращаясь. Воздух был неподвижен, и казалось, ночной путник танцует в пустоте.

«Ветер появляется только с рассветом», – беззвучно напевал великан.

Внезапно остановив кружение, человек извлек из рукава носовой платок и аккуратно расстелил на перилах. Затем распахнул пиджак и вынул из бокового кармана серебряный портсигар, а из-за брючного ремня – тяжелый кремневый пистолет. Оба предмета были бережно уложены на платок, в уголке которого блеснула искорками серебра изрядно потертая вышивка: «A. De...»

* * *

За спиной человека раздался чеканный голос:
– ...Мсье, извольте отойти от перил и поднять руки. Вы задержаны уголовной полицией. Сержант Верро.

* * *

Мсье Верро поступил на службу недавно. В нем не было нарочитой твердокаменности, присущей старшим чинам. Служебное рвение сержант начал проявлять уже по пути в участок.

– Ваше имя, мсье? – Дрожащими от нетерпения руками он вытаскивал из военного планшета лист бумаги.

– Анжелюс Дежан. Чем обязан? – Согнувшись пополам в тесном салоне авто, задержанный болезненно реагировал на дорожную тряску.

– Я составляю протокол, – уведомил сержант и потрогал пальцем грифель карандаша. – Род занятий?

Задержанному было всё равно. Наглухо зашторенные окна автомобиля – единственное, о чем он сейчас жалел.

– Художник.

* * *

К зданию судебной полиции на набережной Орфевр доехали быстро. Один из полицейских распахнул дверцу со стороны Дежана и выдвинул металлическую подножку. Затем художнику вежливо предложили подойти к парадному и распахнули перед ним дверь. Анжелюс услышал за спиной сер-

дитый выкрик и шумную возню. Он обернулся и увидел, как несколько решительно настроенных личностей в картузах и рабочих спецовках стремятся прорваться к нему сквозь за-слон полицейских. Замешкавшегося художника уже весьма настойчиво подтолкнули вперед.

Он оказался в тускло освещенном фойе со старинным паркетом и стенами, обитыми лакированным деревом. Несмотря на позднее время, здесь толпились люди. Против ожидания конвой без проволочек повел художника на второй этаж.

Фамилию инспектора на медной дверной табличке Дежан прочесть не успел.

* * *

– ...Ваше имя, мсье?

– Анжелюс Дежан... Державин Андрей Всеволодович. Я уже давал показания... участвовал в составлении протокола... В общем, ваш сержант...

– Место рождения?

– Подданный Российской Империи. Родился в Харьковской губернии; после смерти отца переехал в Санкт-Петербург, затем – Париж...

– Возраст?

– Тридцать пять.

– Род занятий?

– Свободный художник.

Инспектор, мужчина седой, но не старый, с красными прожилками в сонных глазах, был настроен благожелательно.

– И наверняка проживаете в восемнадцатом округе.

– Холм, улица Лепик... Посмотрите документы, – Дежан кивнул в сторону сержанта Верро. Ответный кивок тот адресовал уже инспектору.

– Выходит, бездельничаете? – добродушно дернул усом инспектор.

– Не понимаю.

– У вас нет определенной работы?

– Нет. Пока у меня достаточно средств, чтобы... бездельничать.

– И уж конечно, знакомы с комиссаром Замароном.

– Комиссар Монпарно? Я дважды с ним встречался. Он приобретал мои холсты. Думаю, в случае необходимости, мсье Замарон мог бы за меня поручиться.

Инспектор кивнул и сделал пометку в тетради.

– Женаты?

– Нет. Откройте же, наконец, документы.

– Не кипятитесь, мсье, – инспектор улыбался. Это было неприятно. Дежан почувствовал, что инспектор умеет выводить из себя допрашиваемых. И именно поэтому решил расслабиться и улыбнулся в ответ.

– У меня был трудный день, мне плохо. Поэтому предлагаю вам не тратить времени попусту. Начнем с причин моего

задержания.

– Сегодня жарко, к тому же меня раздражает ваш перегар, грязный костюм, в котором вы черт знает где валялись и разорванные... в самом неподходящем месте брюки. Поверьте, я умею доставлять неприятности. В некотором смысле, это моя специальность. Я имею право вам грубить, вы мне – нет. Ведь именно вас, а не меня задержали ночью с пистолетом.

– Тем не менее настаиваю на ответе, – улыбка Дежана стала хищной, как у эквилибриста Кюбо на июльской афише.

Инспектор медленно расправил плечи и встал со стула.

– Сержант, у меня дружеская просьба. Приготовьте-ка чаю, – и, подумав, добавил: – Две чашки, если не затруднит.

Тот разочарованно засопел и вышел. Когда дверь затворилась, инспектор продолжил:

– Извольте. Вчера около девяти часов вечера в кафе «Круассан» был застрелен лидер социалистической партии Франции Жан Жорес.

«Круассан», вспомнил Анж. Именно это слово выкрикивала толпа возле Люксембургского сада. Господи, как же давно это было...

– Выражаю соболезнование семье погибшего. Если родственникам от этого станет легче.

– Я продолжу, мсье Дежан. Все гражданские лица, которых вы успели заметить на первом этаже, были задержаны после убийства. Они, как и вы, имели при себе пистолеты и

револьверы.

– Bravo, мсье комиссар! – Дежан вяло хлопнул в ладоши. – Значит, в эту ночь вы принципиально не задерживали граждан с дубинками, ножами, удавками...

– Я сказал ясно: Жорес был застрелен из пистолета. Всё это время уголовники попросту не смели выйти на улицы: город находился под охраной добровольных отрядов, организованных профсоюзами парижских фабрик. Я считаю, что о моральной устойчивости любой нации говорит ужесточение методов охраны порядка накануне серьезных событий. У нас – абстрагируемся от политической ситуации – само население выказало активную гражданскую позицию. Всего несколько часов, и три-четыре тысячи рабочих патрулируют улицы.

– Не согласен. Вряд ли толпы гражданских лиц, которые в мирное время беспрепятственно хватают любого, кто им не по нраву, можно расценивать как гражданское мужество нации. Равно как и готовность к защите отечества. Повторяю: в мирное время это больше смахивает на истерию или попахивает государственным переворотом. Революцией ли, тиранией...

– Хоть несчастной Франции и не привыкать, Господь с вами, не накличете беду! – Инспектор вытер ладонью слезящиеся глаза. – Ваша мысль отчасти верна. Вы должны быть благодарны, что вас задержали официальные представители власти. В противном случае, я не мог бы гарантировать вашу

неприкосновенность.

– А не кажется ли вам, мсье комиссар, что если даже Сюртэ смиряется с незаконными военизированными отрядами, это свидетельствует о бессилии властей?

– Явление временное. Известно ли вам, что сегодня Германия перешла на военное положение и... как вы думаете, что проклятые нибелунги сделали сразу же после этого?

– Знаете, инспектор, меня это не очень...

– Не читаете газет? Напрасно! Тут же германский посол передал письмо, в котором в угрожающей форме был задан вопрос о намерениях Франции, если Россия вступит в войну. Будучи, на мой взгляд, человеком неглупым, вы можете понять, чем грозит подобное требование. Так что, повторяю, два дня – и страсти перейдут в иное русло. А сегодня... Уж лучше пусть рабочие охраняют порядок, чем нарушают.

– Простите, я не совсем уловил суть. Политика меня не интересует.

– Зато вы, молодой человек, ее интересуете. Вам когда-нибудь приходилось держать в руках настоящее оружие, а не антиквариат? Винтовку например?

– Упаси меня господь! К чему вы клоните?

– А к тому, что завтра начнется мобилизация! И никак не позже!

– Черт возьми, это действительно некстати.

– Единственным человеком, способным предотвратить большую европейскую войну, мог стать именно покойный

Жорес. Если бы он призвал к долговременной стачке на военных заводах от Британии до Балкан... Пролетариат Германии пошел бы за ним едва ли не в первую очередь. Но Жорес мертв. Можно легко убить мир, только нельзя нанести смертельный удар войне. Она сильнее...

– О, инспектор, вы социалист?

– Нет. Я трезво мыслящий патриот. И не собираюсь бросать бомбы в представителей власти.

– А знаете, инспектор... – Дежан вопросительно взглянул на собеседника.

– Инспектор Белэн.

– Да... Знаете ли, я вас понимаю, хоть и не смыслю в психологии. Вы не в силах разобраться в ситуации; сейчас у вас нет возможности восстановить порядок на улицах Парижа. Поэтому приходится выдумывать аргументы и убеждать себя в правоте. Вы нуждаетесь хоть в ком-нибудь, кто подтвердил бы ваши умозаключения, – жена, коллега или испуганный уголовник.

– Замечание жесткое, но верное. Лучше побеседовать с пьяным художником.

– Тем не менее моя личная трагедия затмевает для меня все мировые потрясения, в равной степени и убийство упомянутого вами господина. Чтобы отвлечься, я с радостью вступил в дискуссию. Пусть даже тема не соответствует моему настроению.

Комиссар пожал плечами.

– Я тоже не очень-то смыслю в политике. Мое ремесло – ловить убийц. Уверяю, мне это хорошо удастся. Наверное, следует занять вашу аполитичную позицию. Считайте мои размышления добродушным нытьем.

– Мсье комиссар, вы не против вернуться к моему делу? Итак, мне повезло, что я был задержан вашими людьми, а не обезумевшими люмпенами. Но обвинения я так и не услышал. Надеюсь, вы не склонны считать меня новым разбойником вроде Равашоля?

– Обвинения не будет. Жорес убит из револьвера, а не из кремневой развалины. Вы свободны. Только вашу музейную редкость я не верну. Согласитесь, всё же странно задерживать человека с оружием ночью, у моста Александра III. Вы ведь не собирались заявиться в Дом инвалидов и стрелять по останкам гражданина Бонапарта?

– Стрелять в надгробья?! – Дежан заерзал на стуле. – Вот он, дух эпохи! Хотя, мне кажется, беспокойное время заставляет каждого нормального гражданина держать при себе оружие. Дорогой комиссар, будьте последовательны в своей любезности. Я не хочу быть задержанным вновь. Это раз. Во вторых, прошу вас отдать распоряжение, чтобы меня доставили на то же место...

– Справедливо. Вы не похожи на человека, вступавшего в конфликт с законом.

– Это очевидно.

– Только... Вы не откажете мне в небольшой услуге?

Строго между нами...

За дверью раздались нарочито громкие шаги и приглушенный кашель.

– Входите, сержант!

Мсье Верро протиснулся в кабинет с подносом, на котором стоял маленький чайник и два стакана.

– У меня свой чай, из травок, – доверительно произнес инспектор. – В нем немного тертой моркови. Говорят, ее сок некими маслами обволакивает гортань и противодействует простуде. Конечно, натуральный чай еще можно приобрести: пока лишь наши пожилые сограждане скупают всё, что видят. Соль, спички, мыло... Это ведь война. И я потихоньку начинаю экономить... Сержант, вы свободны.

Дежан решил напомнить:

– Вы меня заинтриговали. Чем художник может помочь комиссару полиции?

– Именно в силу своих профессиональных возможностей. Сейчас поищу в шкафу, извините... вот... да! Взгляните-ка на этот холст. Он был изъят у контрабандистов – его вывозили в Германию. Портрет знаменитого Франсуа Видока. Уверяют, что это одна из поздних работ Жана-Луи Давида. Вы можете подтвердить подлинность?

– Неожиданный поворот! Правда, я не эксперт. Позвольте... Без сомнения, полотно создавалось в то время. Выписано жестко, но тени мягковаты... На лицевой стороне подпись отсутствует. Вы снимали подрамник?

– Нет, поостерегся.

– Правильно. И не пытайтесь, предоставьте это специалистам. Работа интересная, но точно не Давид. Слишком велика разница в манере. Впрочем, если пожелаете, я могу порекомендовать некоторых профессиональных маршанов...

– Благодарю. Знаете, мсье Дежан, вы меня больше не раздражаете. Скорее, наоборот.

– Несмотря на неутешительный результат? Тогда я могу быть свободен?

– Извольте, авто у входа. Дайте обещание, что не сделаете глупость, из-за которой я буду испытывать угрызения совести.

– Если вы не ярый поклонник Давида, – печально улыбнулся Дежан, – советую вам снять со стены эту плохую копию «Смерти Марата», – у вас, полицейских, оригинальное чувство юмора, – и без колебаний заменить ее вашим Видоком.

* * *

Покинув автомобиль, художник еще некоторое время стоял в неподвижности и жадно глотал ночной воздух. Когда гул мотора затерялся вдаль, Дежан окончательно решил, что у него нет причин отказываться от задуманного.

Нарастающий гул войны тревожит Европу. Кажется, позавчера германская артиллерия расстреливала какую-то славянскую столицу. И, если прав комиссар Белэн, завтра война

коснется Франции. Только вряд ли страна нуждается в личном его, Анжа, эмигрантском патриотизме.

Спасаясь от обрывочных, а потому неприятных мыслей, он сел, прижался спиной к перилам и спрятал подбородок в изрядно потрепанный за минувшие сутки воротник сюртука.

Унять воспоминания не удалось. Ему привиделись людские тени, распластанные на декорации разноцветных вспышек, темная аллея, луна в буром облаке, выстрел, стон, жуткий смех...

Снова забыть? Поздно, слишком поздно...

Ах да. Хочу умереть. И именно здесь...

Предутренние ключья тумана колыхались над Сенной, равномерно с обоих берегов обволакивали мост, лениво клубились над перилами.

Неожиданно прорвавшийся сквозь густые облака лунный свет заставил художника вздрогнуть. Вокруг обнаружилось слишком яркие для ночной поры цветные пятна. Он рывком поднялся на ноги и застонал от головной боли. Глаза заволокла тяжелая муть. Что-то с грохотом вылетело из-под ботинка, и Анжелюс почувствовал себя так, словно находился внутри колокола деревенской церкви. Это загремела по мостовой случайно задетая пустая бутылка с остатками плетения из виноградной лозы. Покорно дождавшись пока грохот затихнет, Дежан вышел на середину моста, вздохнул и огляделся.

Вон там, справа, едва различим темный силуэт купола

Пти Пале. Впереди, чуть ниже, нимфы-аллегии Невы, напротив – нимфы Сены. С четырех сторон моста на укрытых сумраком колоннах тускло поблескивают бронзой крылатые кони. И над перилами поднимаются камышом стебли газовых фонарей.

Ветер всколыхнул туман, статуи погрузились в бледную пелену. Анжелюс вздохнул, прикрыл веки. Боль и страх становились неестественными, как эхо. Сейчас следовало понять навязчивое желание смерти, которое не оставляет его уже несколько мучительных часов. Успеть бы... до дождя...

Он помнил, как выбрался из угара «Резвого Кролика», но позабыл, каким образом оказался на мосту. Раньше Анж серьезно опасался таких провалов в памяти, но сейчас ему было всё равно. Только пьяный мог пройти ночью половину Парижа без жестоких приключений. В такой час выбраться живым с Монмартра, чтобы втянуть легкими горькую тину Сены, – поступок мужественный и бессмысленный. Когда смертельно устал и мечтаешь о сне, словно обретаешь невидимость. Последние силы отключают сознание, заставляют обходить опасность. Это свойство становится сильнее отточенного годами чутья грабителя, подстерегающего жертву в темном переулке возле кафешантана. В таком состоянии можно бесшумно пройти мимо злодея на расстоянии вытянутой руки, и убийца не ощутит колебания воздуха за своей спиной, не сумеет уловить чужого запаха, который предупреждает о приближении неосторожного прохожего. Жи-

вотный инстинкт самосохранения – лучший друг пьяных и самоубийц. Столкнувшись лицом к лицу с незнакомцем, на котором уже лежит печать близкой и неотвратимой гибели, убийца пасует и уступает дорогу. Смерть чувствует и уважает другую смерть, при встрече они благородно раскланиваются...

Перед тем был вечер, и воздух благоухал тропиками, после – густым испанским вином и еще чем-то очень крепким; затем фиалкой – этот запах веял всего мгновение из-под белой маски и смешивался с приятным запахом женских волос (испанка, вспомнил Дежан, моя испанка). Потом кисловатый дух стоящего перед ним мужчины, грубый голос, тошнотворное и вместе с тем неожиданно приятное предчувствие скандала. Позже была длинная аллея, тьма, внезапный блеск луны. Выстрел, пронзительный вопль и тусклые собачьи глаза... Круг воспоминаний замкнулся с поразительной ясностью, словно на запястье лязгнул зажим кандалов.

Человеческая кровь не пролилась. Пришло другое понимание – позор. И окрик сержанта Верро, отодвинувший на пару часов возможность избавиться от унижения. Набережная Орфевр, любезный комиссар Белэн. И снова мост.

Анжелюс любил эту часть Парижа. Раньше часто приезжал сюда на этюды. Здесь пышность и изысканность не кажутся нарочитыми. Здесь позолота удивительно сочетается с чистой синевой летнего неба. И по-настоящему захватывает дух, когда ловишь кончиком кисти желто-серо-алый, пе-

реливающийся, текучий блик бронзовой фигуры, который вдруг естественно и удачно ложится на холст. При ярком солнце с моста Александра III открываются потрясающие перспективы: справа – оба Дворца и кусочек площади Согласия; слева – громада собора Дома инвалидов. Одно из немногих мест в Париже, с которым у Дежана связаны только приятные воспоминания.

Здесь будет легко умирать.

* * *

Два часа потеряны, но что они значат для самоубийцы...

Сегодня он вспомнил свое настоящее имя – Андрей. Уже здесь, в Париже, поляк Дуниковский упорно называл его Анжеем. И здесь, на французской земле, в конце концов он получил имя Анжелюс, мягкое и безликое, в котором звучат ангельские лиры и кимвалы, полная противоположность его огромной фигуре и непредсказуемому характеру. Громкая фамилия «Державин» уже им самим была исправлена на тоскливо-протяжную – Дежан...

Раньше, в детстве, он жил в шумном, пыльном Харькове, городе заводов, мануфактур и шоколадной фабрики Жоржа Бормана. Позже провел около полугода в ледяном Петербурге, в контрасте мертвой вычурности зданий и нервно-живого характера горожан. Там тоже был Бормановский шоколад...

Сейчас Александров мост – дань ностальгии по детству.

И теряются в тумане линии домов по обе стороны Сены, словно длинные руки нащупывают в дымке близкий горизонт...

Тусклая заря – тень отступавшей ночи – неторопливо рассеивала туман. Над поверхностью Сены замерцало бесцветное утро, точный оттиск-офорт со вчерашнего. Прижавшись грудью к холодному камню перил, Дежан смотрел в воду. Он сумел разглядеть в тумане влекомый течением осенний листок, первый, увиденный им в этом году.

Вспышкой обожгло видение: его собственное безвольное тело падает на этот листок – вот он, рыжий, распятый на груди внезапным давлением воды... Оседают брызги, успокаиваются круги на поверхности. Серое утро сохранит тайну смерти. Ранний прохожий, окинув рассеянным взглядом водную гладь, не заметит утопленника. Лишь тот самый лист вынырнет из-под тяжелого тела, всплывет на поверхность и закачается среди мелких буро-зеленых волн.

Неожиданно для себя, последним усилием воли – тем самым, страшным, свойственным самоубийцам или отчаянным храбрецам, – Анж отбросил все мысли, кроме одной: назад пути нет.

Смерть позвала его, и зов услышан.

Интересно, испытывает ли тонущий боль?..

Дежан резко поднялся на носки и уперся ладонями в перила. Одно движение – и будет короткий полет, погружение, последняя отчаянная попытка всплыть; в легких забурлит

горькая вода, и на сведенных предсмертной судорогой зубах в последний раз хрустнет речной песок.

Глаза застлала густая пелена, всё вокруг исчезло, словно голову Дежана обернули невесомым белым полотном.

Господи, как же близко...

* * *

...Нечто молниеносно возникло из тумана, решительным штрихом закрыло, перечеркнуло наискосок Сену, заставило художника отшатнуться назад. От неожиданности не сумев удержать равновесие, он оступился и неуклюже сел у перил...

* * *

Несколько долгих секунд длилось прозрение. И когда окружающее стало обретать четкость, Анжелюс поверил в призраков.

Напротив него в зыбком колыхании дымки проявился силуэт, отдаленно похожий очертаниями на человеческую фигуру, но несравненно более стройный, воздушный, осененный божественной завершенностью. Неземное существо замерло на перилах моста, слегка касаясь погасшего фонаря, — оно казалось менее реальным, но вместе с тем было живее и

прекраснее окружавших его статуи.

Художник не решался поднять взгляд. Испуганная фантазия дополнила мельком замеченный образ. Вдруг показалось, что силуэт приобрел гигантские размеры, и теперь сверху взирает исполненный ярости ангел – не воздушный силуэт, но исполин. Тяжелые, будто мраморные плиты, крылья его замерли над головой, а в могучих руках полыхает широкий вавилонский меч.

Ангел не двигался.

* * *

Единственное, что смог заметить под этим углом зрения Анжелюс, – часть перил и...

Только Господь знает, чем можно спасти истинного художника: достаточно позволить несчастному увидеть совершенство.

Стопа ангела была маленькой, смуглой, с изящно выгнутым сводом. Натянутое звонкой струной ахиллово сухожилие в тени миниатюрного холмика щиколотки почти незаметно перетекало в маленькую крепкую пятку. Пальцы длинные, с чуть загнутыми вверх перламутровыми ноготками, казались созданными античным скульптором – точеные, без малейшего признака отеков, причиняемых тесной обувью. Положительно, такая ножка не могла принадлежать суровому ангелу-воителю.

Кем бы ни было это создание, оно только что спасло художнику жизнь.

– Мсье Дежан! – зазвенел сверху знакомый голос. – Стыдитесь. Быть может, я вам этого не прощу.

Анжелюс нашел в себе силы поднять глаза. Но и тогда поверил не сразу.

* * *

Орфелина – странное имя...

Он никогда не видел ее лица. И сейчас оно пряталось под призрачно-бледной венецианской маской «вольто». У девы уже не было кольца-серьги, розы в черных волосах и гротескно пышной юбки. На незнакомке белело трико, смахивающее на цирковую униформу акробата: эластичную ткань покрывали узоры в виде роз ветров и золотистых, хитро улыбающихся лун. На груди тускнело несколько большее размером полнощекое солнце, обрамленное волнистыми лезвиями лучей. Голову незнакомки венчал маленький, словно кукольный, белоснежный цилиндр. Он был игриво сдвинут набок и, видимо, приколот к волосам булавками. Голос как-то особенно органично подходил к этой тонкой фигуре, к задорно искрящимся зеленым фонарикам глаз. Взгляд ангела накрыл его сверху, словно пролился жгучим воском рождественской свечи, обволок, обездвигил, подавил инстинктивный порыв к сопротивлению.

Осознав свое унижительное положение, Анж отчаялся. И почти возненавидел деву за то, что она застала его... Ведь стоило броситься в воду всего на мгновение раньше! Но теперь обжигающее чувство позора окончательно раздавило художника, лишая мужества шагнуть через перила и утопиться на ее глазах.

– Мсье заставляет даму повторять дважды.

Ей нужен ответ, подумал Дежан.

– Прошу прощения, – почти прошептал он. – Я вовсе не хотел испугать вас.

– Я не боюсь мертвецов! – твердо ответила девушка.

Художник задохнулся от неожиданности: она издевается. На мгновение Анжелюс почувствовал слабость в теле, будто бы оно разом очистилось от всех чувств и переживаний. Потом опустошенную оболочку плоти захлестнула ледяная, болезненная ярость.

– Вы ведете себя так, словно я вам чем-то обязан. Могу разочаровать: ничего подобного не испытываю. К тому же, мадемуазель, не знаю, кто вы, и далек от мысли набиваться вам в друзья.

Неожиданно девушка оступилась на перилах, но ее тело с привычной ловкостью вернуло равновесие. Незнакомка обратила бледную маску к такой же побледневшей под утро луне и крест-накрест обхватила руками свои тонкие плечи. Глаза ее необычно блеснули – наверное, в них отразился первый солнечный луч.

– Очень жаль, Анжелюс, – голос девушки задрожал. – Ты не узнал меня.

– Вы – танцовщица из «Кролика», – холодно отметил он.

Неуловимым движением, без видимых усилий, она плавно соскользнула с перил и замерла перед художником. Вот так – только что была там, и вдруг уже придвинулась вплотную – глаза в глаза. От маски повеяло легким запахом фиалки. Веки девушки дрогнули; она зажмурилась и резко запрокинула голову. Анжелюс увидел, как из-под маски к вискам покатались слезы.

– Ты жесток, Анжелюс.

– А вы?!

– Ты не мертвец, – эхом отозвалась она. – Ты жив. И я рядом.

– Рядом? Зачем? – Вопрос показался крайне нелепым. Анж ощутил, как горячей волной накатывает неожиданное счастье...

Опомнись, одернул себя художник. Разве ты уверен, что пришел вчера в «Резвый Кролик» не ради надежды увидеть ее? А дуэль с Моды была из-за уязвленного самолюбия, не больше?!

Нет, нет!..

– Глупец! – прошептала она. – Неужели не помнишь?.. Едва повзрослев, сколько раз ты видел во сне тот единственный образ и просыпался разочарованный, что это не наяву? И боялся раскрыть глаза, чтобы из памяти не ускользнуло

вдохновившее тебя лицо. Во сне ты помнил заветное имя, но утром стонал, вспоминая среди множества женских имен единственное, выброшенное изменчивой памятью. Так ли призрачны были руки, что касались твоего лица? Правда ли, что ты можешь отличить то прикосновение от других? Прошу, закрой глаза...

Дежан задохнулся от изумления.

– Кто тебе рассказал?! Я говорю во сне?

– Ты одинок, – печальный голос девушки успокаивал. – И порой действительно говоришь, но так тихо, что тебя никто не слышит. Твоя душа ревностно хранит тайну. Во сне художники думают, как смешать краплек с белилами и сколько добавить кадмия, чтобы передать на холсте правдивый оттенок кожи...

– Откуда ты знаешь? – повторил Дежан.

– Закрой глаза! – снова попросила она.

Внезапно ему стало страшно: а вдруг, когда веки разомкнутся, Орфелина исчезнет и он окажется у себя в мастерской – лишившийся друзей, всеми отвергнутый, презираемый? Сколько он позволит себе прожить на этом свете? Следует ли продлевать муку?!

– Ты боишься, Дежан, – поняла она и снова быстро заговорила, словно в страхе услышать отказ. – Но ведь это игра, всего лишь игра, как в детстве.

– Обещай мне: когда я открою глаза, ты... снимешь маску.

– Без колебаний! – словно в ответ собственным мыслям,

кивнула она. – Я согласна.

Анжелюс послушно зажмурился – крепко, до алых молний в глазах.

...и нахлынуло...

Глава 1. Хмельные ядра той-той

В жаркий полдень 22 июля 1914 года Фредерик Жерар, более известный как папаша Фредэ, хозяин кабаре «Резвый Кролик», возвращался с рынка на улице Абесс. Тележка, которую тащила на Монмартрский Холм священная ослица Лулу, была заполнена капустными кочанами, связками лука, пучками петрушки и корзинами со свежей рыбой. Папаша Фредэ, с любопытством озираясь по сторонам, бодро вышагивал рядом.

Недавний дождик освежил мостовую, и теперь от нее поднимался тонкий аромат влажного камня – такой стойкий запах, который не в силах перебить даже разносящийся из окон густой дух вареного мяса, аниса и чеснока. Аромат небесной влаги всегда существует отдельно, не смешивается ни с чем и, главное, бывает только здесь, на полпути к вершине Монмартра. Папаша Фредэ полной грудью втягивал пряный воздух и счастливо улыбался в бороду.

Париж впадал в предвоенную дрожь, что, впрочем, не мешало его обитателям иногда быть веселыми без причины. Фредэ обладал чутьем опытного торговца, а потому был уверен, что паника начнется уже скоро. А в этот период короткого затишья он успеет без особой спешки приобрести всё необходимое. У торговых прилавков папаша без удивления замечал многочисленных стариков – тех, кто помнил не по-

наслышке версальские штыки в мае 1871-го и знал, что запасливость в тяжелые времена – единственный способ выжить. Пожалуй, если не считать бегства.

Молодежь, которой деды с большей охотой рассказывали о Крымской войне, нежели о Коммуне и сожженном, полувымершем от голода Париже, сейчас жила полнокровно и весело. Парни и девушки влюблялись, расставались, дебатировали в кабачках о политике и искусстве. Здесь неизменно ругали немцев, чьи воинственные настроения не были секретом и всё сильнее раздувались в склонной к преувеличениям прессе. Молодых вовсе не заботило выживание. Скорее наоборот, их фантазию тешил воображаемый грохот французских сапог в Сан-Суси и на Александер-плац.

Солнце, столь благосклонное к Иль-де-Франс, особенно любило Париж, а в Париже – Холм Монмартр, увенчанный короной недавно построенной и пока еще не освященной базилики Сакре-Кёр. Святое Сердце было белоснежным и четко отпечатывалось на фоне ярко-синего неба. Жителям Холма поначалу было сложно привыкнуть к новшеству: от столь контрастного и великолепного зрелища зачастую невыносимо слезились глаза. Террасу с лестницей у подножия храма окутывала зеленая поросль, которая отсюда растекалась водопадами по всему Холму. Из зелени выглядывали длинные черепичные крыши с россыпью печных труб. Солнечные лучи покрывали узорчатой тенью алые, желтые, синие ставни домов и нарядно раскрашенные стены, причем каждый этаж

в одном и том же доме отличался собственным неповторимым оттенком.

Блики играли на почерневших от времени дощатых вывесках, многие из которых были сколочены еще задолго до того, как Генеральные штаты нарекли себя Национальным собранием. С тех пор вывески переменили множество владельцев. Некоторые деревянные ветераны хранили под слоем современной мази остатки работ известных мастеров. Кое-где на их отшлифованных временем, обитых проржавевшим железом телах виднелись глубокие выбоины, рубцы и трещины – следы удалого веселья прусских гусар и диких казаков, именно здесь вступивших в Париж в восемьсот четырнадцатом.

Папаше Фредэ, как и большинству горожан, наслаждавшихся ясным небом июльского дня, не хотелось вспоминать о войне. Никто не видел особых причин сомневаться в талантах французских дипломатов, без сомнения умеющих выигрывать войны цивилизованно, кабинетно, в духе нового века. И потому хозяин «Кролика» старался не думать ни о чем серьезном. Он шел вразвалочку, поглаживал живот, затянутый в коричневую рабочую спецовку, жмурился на солнце и время от времени совал в пасть ослице тлеющую папиросу, что приводило в восторг следовавшую за тележкой ребятню.

Ослица стала всеобщей любимицей обитателей Холма три года назад. Этому послужила злая и в то же время остроумная шутка писателя Ролана Доржелеса над поэтом Аполли-

нером. Тогда Доржелес, ярый противник «модерн-мазни», ухитрился привязать к хвосту ослицы кисть, поставил холст с надлежащей стороны и, время от времени меняя краску, в конечном итоге получил шедевр, названный им «Закат солнца над Адриатикой». Аполлинер, всячески поддерживавший новые направления в искусстве, был в восторге от творения неизвестного автора. Секрет полотна был раскрыт, когда картина с успехом поучаствовала в выставке Салона Независимых и была продана за четыреста франков. В конце концов обман раскрылся, но шутка удалась на славу. Лулу получила титул «Священного Животного» и стала символом Монмартра. А Аполлинера долго трясло от ярости при упоминании о Доржелесе. Папаша Фредэ, чтобы не быть заподозренным в соучастии, – впрочем, его осведомленность в этом деле ни у кого не вызывала сомнений, – сообщил, что в этот день гостил с женой и дочерью у знакомых в Рамбуи.

На пересечении улиц Лепик и Жирардон, откуда уже были хорошо видны устремленные к небу крылья мельницы Галетт, папашу Фредэ кто-то громко окликнул. Отгородившись от солнечных лучей козырьком-ладонью, он узнал барона Пижара.

– Флибустьера на рею, – пробормотал Фредэ и остановился.

– Семь футов, друг мой! – приветствовал его Пижар. Затем барон извлек из своего военного вещевого мешка морковку и затолкал ее в пасть Лулу. – Добрый день, моя гени-

альная. Убийственно жарко, не так ли?

Лулу оторопело фыркнула.

Он ждал здесь именно меня, уныло подумал Фредэ, глядя на мешок в руках Пижара. Там, на дне, перекатывались три-четыре небольших, довольно увесистых предмета круглой формы. Он ждал меня, и ему что-то нужно. Ядра у него в мешке, что ли...

– Вы правы, душно, – кивнул папаша и тут же попытался закончить обещавший быть скучным разговор. – Скорее бы отдохнуть – Лулу в последнее время сильно устает...

– А почему вы не покупаете овощи на рю Лепик? Все-таки ближе.

– На этом рынке у меня мало знакомых торговцев. Если не возражаете, уважаемый барон... – Фредэ любезно улыбнулся и тронул поводья.

Пижар отступил, немного подумал и произнес вслед папаше:

– Предложение! Одно выгодное предложение! – Увидев, что Фредэ остановил Лулу, барон воодушевленно продолжил: – Если, конечно, вы предложите пообедать в вашей компании...

– Действительно выгодное? – наострил уши папаша.

– Без сомнения! Уверяю вас! – Барон потряс в воздухе мешком, в котором тяжело перекатились загадочные шары.

Надеюсь, это не высушенные индейцами человеческие головы, подумал со вздохом Фредэ.

– Ну, что же, приглашаю вас в «Резвый Кролик». Надеюсь, мы успеем добраться ко мне прежде, чем мостовая окончательно превратится в адский противень.

* * *

На Холме Пижара считали если не сумасшедшим, то настоящим чудаком. Кажется, он когда-то служил на флоте. А может, и не служил. И вовсе не был бароном. Или все-таки был?! Впрочем, эти вопросы никого не интересовали. Живая легенда Холма, он почти всегда носил английскую матросскую куртку, линялые брюки клеш и засаленную капитанскую фуражку без кокарды. Неискушенному взгляду барон вполне мог показаться хозяином какой-либо баржи или ботика, которые днем сновали вверх-вниз по Сене, а ночью застывали у незаметных причалов. Пижар занимался иным – готовил мальчишек склона Холма – Маки – к дальним странствиям, учил их плавать. Приличных водоемов поблизости не было, поэтому барон укладывал малышей на деревянные топчаны и предлагал им отчаянно махать руками и ногами, от чего дети приходили в неопишуемый восторг. Наверняка их воображение живо рисовало лазурные соленые волны, в которых они резвятся подобно рыбам тропических широт.

И никто кроме Пижара не умел рассказать лучше о таинственных землях, о полной приключений жизни пиратов и контрабандистов. И никто кроме веселого дяди Пижо не

умел делать такие замечательные деревянные кораблики...

* * *

Беседу продолжили под бараньи ножки, тушенную по-немецки капусту и стайку жареных рыбешек, аккуратно выложенных косяком на продолговатом блюде. Опасаясь чужих ушей, Пижар попросил Берту-Бургиньонку, жену папаша Фредэ, временно закрыть «Кролик» для посетителей.

– Внимание! – торжественно произнес барон и извлек из мешка нечто похожее на панцирь черепахи, раздутый до формы шара. Причем предмет был снежно-белым и переливался маслянистым глянцем. То, что этот сосуд предназначен для хранения жидкостей, Фредэ понял сразу: прямо в поверхность была вбита винная пробка.

– Керамика? – любопытно спросил папаша.

– Скорлупа ореха той-той. Очень редкий плод Центральной Америки. В таких емкостях индейцы хранили священные жидкости.

Фредэ с недоумением взглянул на Пижара.

– Объяснитесь, любезный барон. А то невесть что подумаю...

Пижар улыбнулся.

– Вот и не думайте. Просто мы сейчас выпьем. Должен предупредить, что сок содержит достаточное количество алкоголя...

Понятно. Фредэ чуть слышно вздохнул, разочарованный размером емкости.

– Нужен кувшин с чистой водой, – заметил Пижар и принялся сосредоточенно ковырять ножом плотно пригнанную пробку. – Следует разбавить.

– Мой любезный друг, да вы шутите!

Барон пожал плечами и плеснул в стакан Фредэ вязкую буроватую жидкость – немного, всего на толщину мизинца.

Папаша браво осушил стакан. И понял о своей ошибке за мгновение до того, как в пылающей гортани погибли все микроорганизмы. На него разом навалились вкусы и запахи тропиков мира; он ощутил вулканическую горечь всех видов перца одновременно.

Потом произошло нечто странное.

* * *

...Скорлупа ореха в руках Пижара вдруг стала походить на маленький перламутровый череп с поблескивающими провалами глазниц. Потом череп, а за ним и венский стул с бароном начали быстро отдаляться и словно бы исчезли за горизонтом. Вокруг потемнело. Стены «Кролика» мгновенно раздвинулись, впустили внутрь вместе с внезапно нахлынувшей тропической ночью зеленое море джунглей. Фредэ ощутил, что находится в самом сердце неведомого континента, и осознание этого не испугало и не удивило его. Он

стал пальмой и лианой, тяжелым кокосом и спящей на нем зеленой змейкой, ночной хищной птицей и растерзанным ее когтистыми лапами трупом животного. Водянистый туман рассеивался постепенно, нехотя, и звуки раздавались всё отчетливее.

Сплетенные растения, увенчанные мерцающими во тьме бутонами оранжевых цветов, зашевелились, и Фредэ почувствовал приближение хищника. Ягуар выходил из зарослей медленно – сначала появилась лапа, потом тяжелая голова, широкая грудь. Зверь будто рождался из упругого лона джунглей. В крошечной тьме, слегка подсвеченной бликами от невиданных бутонов, ягуар казался темнее деревьев, чернее земли и самой ночи. Зашелестела сельва, где-то закричали встревоженные попугаи. Во всем увиденном Фредэ почувствовал нечто знакомое. Он когда-то уже бывал в странном мире высоких стеблей и горящих во тьме глаз.

Многочисленные обезьяны неподвижно сидели в зарослях и глядели в одну точку – туда, где едва слышно крался ягуар.

Руссо – слово пролетело над ночными океанами и сельвой, легким оттенком понимания прикоснулось к воспаленному сознанию Фредерика Жерара. Таможенник Руссо, странный гений, полубезумный художник – это его мир...

...В джунгли извне проникло нечто чужеродное, пышущее яростью и вместе с тем тяжелой усталостью. Появились люди, живые, реальные, с резким запахом огня, пота, засох-

шей крови, одетые в рванье и проржавевшее железо. Их было много; они с молчаливым упорством вспарывали джунгли тяжелыми тесаками. На их доспехах змеились царапины, и глубокие вмятины сливались с гравировкой узоров. Зияли дырами черные от грязи ботфорты. Толпа была странной, разношерстной, полудикой, но соединенной единой волей к давно утратившему смысл движению вперед.

* * *

Сознание Фредэ заработало с новой силой, в попытке подобрать слово-ключ к сущности этих людей.

Океан. Континент. Сельва. Ягуар.

Испанцы?!

Пираты!

* * *

Фредэ подхватило потоком воздуха и в мгновение отнесло далеко на восток. Внизу резкими вспышками засиял океан, и мало доброго было в этих сполохах...

Шел ночной бой. Еще издали слышался треск дерева, оглушительный плеск воды и грохот рвущихся ядер. Затрепетали алые кресты на вымпелах плавучих крепостей и белые лилии на флагах легких каравелл. Крестоносным галео-

нам приходилось туго. Криков было мало: под лавиной картечи и крутящихся со свистом брандскугелей раненых почти не оставалось. Вдруг Фредэ понял, что именно здесь, сейчас, в этом неведомом сражении решалась судьба сельвы, жутких неподвижных обезьян и ночной птицы, терзающей падаль.

Время превратилось в якорную цепь, и сейчас из черной, густой, как смола, воды, появилось новое звено – новый рассвет в новом мире.

Яростное солнце полыхнуло над волнами. Каравеллы под флагами с лилиями устремились на север. Позади оставались груды чадающего дерева и сотни обожженных трупов в изумрудных волнах.

А на берегу, на белом песчаном пространстве меж океаном и сплошной стеной зелени, в ужасе и благоговении замерло множество людей. Их одежды из перьев невиданных птиц едва заметно колыхал утренний бриз. Впереди, на самой кромке прибоя в распахнутой на груди узорчатой одежде стояла тонкая смуглая девушка. Ее руки были крепко скручены кожаными ремнями. Невероятно, до боли прекрасная, она должна скрепить своей кровью жестокий договор небес и людей о том, что никогда, никогда пирамиды ее страны не будут разрушены злобной волей бледных полубогов.

Ее провезут через весь материк туда, где уже готов ритуальный нефритовый клинок...

* * *

...еще несколько звеньев якорной цепи...

* * *

Вновь темнеет. Эти огни в ночи – к добру. Они ласковые, они зовут. Бурная радость во множестве прекрасных домов из ракушечника. С колокольни доносится торжественный звон.

Это город-победитель. Сотни факелов на пристани встречают флот. Шлюпки стремятся к берегу. Цветы и вино. Крики женщин, выстрелы в воздух.

Мужчины вернулись домой.

Праздник охватывает узкие улицы, разрастается, течет по уставшим от ожидания площадям. Гирлянды тропических соцветий тянутся над головами, накрывают, прижимают к земле удушливым ароматом. В сиянии факелов мечутся женщины, мужчины, дети, старики, натягивают прямо на ходу самые яркие одежды. На главной площади под статуей святого Дениса музыканты настраивают свои инструменты. Здесь особенно остро пахнет перцем. Запах ширится, заливает всё вокруг, обжигает, убивает аромат цветов и вин...

Боль в гортани. Жжет пищевод. Где пожар?!

Мгновенный бросок через океан. Из-за горизонта стремительно несется точка, превращается в венский стул с сидящим на нем человеком. Как быстро – столкновение может убить!..

* * *

... – С возвращением, дорогой Фредэ!

Папаша поймал себя на том, что в ожидании столкновения держит напряженные руки перед собой. Он уставился на барона выпученными глазами, посидел немного с широко раскрытым ртом и тихо сказал:

– Ах-ха-ха-х-х-х-х!..

– Впечатления? – с вежливым участием поинтересовался барон.

Папаша быстро закивал и обеими руками схватил кувшин с водой.

– Я только что проглотил всю Южную Америку. Особенно понравилась Огненная Земля, – сообщил Фредэ, роняя в кувшин обильные слезы.

Барон кивнул.

Продолжим разговор.

Только через пару минут Фредэ нашел силы ответить. Кажалось, он ищет нужные слова в спасительном кувшине.

– Это необычный напиток, – папаша наконец отдышался. – Интересно... вы видели то же, что и я?! Откуда этот...

ром?

– По легенде он принадлежал какому-то индейскому ка-сику, потому что тех самых дикарей, которые приносили кровавые жертвы среди затерянных в сельве пирамид. И резали предков наших уважаемых Пикассо, Риверы и Хуана Гриси. Ром хранился в горной пещере у ледника, а потому за полтысячи лет прекрасно сохранился. Затрудняюсь сказать, как он попал к контрабандистам. Главное, я приобрел его практически за бесценок.

Пижар благоразумно умолчал о словах контрабандистов, что зелье замешано на крови тольтекской или ацтекской принцессы, умершей в страшных муках на алтаре.

Папаша прислушался к окружающим звукам. За окном играл аккордеон. Прохожие негромко переговаривались. Кто-то смеялся. Заскрежетало проехавшее мимо авто.

– Как долго... как долго я... отсутствовал?

Пижар улыбнулся.

– Десять минут, не более.

– Но джунгли... девушка... французский флот...

– Это пираты.

– Пираты?.. Я тоже это понял! Но ведь флаги...

– Флибустьеры, буканьеры или кто там еще не поднимали «Веселый Роджер». Можете мне поверить, я знаю об этом достаточно много. Череп с костями – позднее измышление сочинителей авантюрных романов.

Папаша еще некоторое время собирался с мыслями.

– Не значит ли это... что я должен поверить в сверхъестественное?!

– Ваше дело. Я склонен искать простые ответы.

– Но сам ром... Что же это такое, черт возьми? Наркотик? Пижар нахмурился и стал водить пальцем по переносице.

– Не знаю. Мне кажется, что это некое послание, письмо, которое не дошло по нужному адресу. Странная посылка с воображаемой синематографической лентой, отправленная около четырех, или около того, сотен лет назад. Быть может, это послание позволит и нам кое-что понять. Не стану отрицать несомненную загадочность явления. Вместе с тем вокруг нас происходят события не менее странные и захватывающие. Спешу вас успокоить: напиток не вызывает привыкания. Мне вчера захотелось попробовать его снова. Представьте, видение оказалось более тусклым и прозаичным.

– А как вы объясните... ожившие картины Руссо?!

Пижар помолчал.

– Насколько я знаю, ром пролежал у контрабандистов очень долгое время. Они боялись его продавать. Необыкновенная вещь, понимаете ли... Тем не менее Руссо за свою жизнь вполне мог побывать на той части побережья... – Он хотел добавить что-то, но осекся.

Фредэ заметил замешательство барона.

– Договаривайте же, я требую!

Пижар замялся.

– Бывший хозяин напитка и, кстати, единственный чело-

век, который решил его попробовать до нас... ах да, может, еще и ваш Руссо... в общем, он просил подумать, есть ли необходимость читать чужие письма... Признаться, этим он меня озадачил.

– Господь с вами, дорогой барон! Вопрос только в этике?

– И только в ней.

– Ну что же вы меня так пугаете! Беру всю партию!

– Еще? – предложил барон, разбавляя ром водой один к четырем. – Сейчас будет лишь эффект легкого опьянения, не более. Наконец-то вы поймете и оцените настоящий вкус напитка.

Фредэ принял стакан и потянулся к бараньей ноге.

– Просто так предлагать подобную выпивку нельзя. Нужно сделать настоящий праздник.

– Например, карнавал! – оживился Пижар. – Карнавал в карибском стиле. Я об этом иногда мечтаю. От скуки. А сейчас такой замечательный повод!

– Прекрасная идея! Пираты! Рэли, Д’Олонэ, Рок Бразилец и так далее... Вход только в костюмах. Сабли, треуголки и деревянные ноги. Дамы в кружевных платьях...

– И в ботфортах! – Барон поддел вилкой капусту. – И в кандалах!

Они звякнули стаканами.

– Такого Париж еще не видел, – сказал Фредэ.

Пижар мечтательно покачал головой.

– Срочно нужна афиша! – вдруг заволновался папаша. –

Чтобы каждый чувствовал: не приду – умру!.. Только нет художников. Представьте, барон, такую нелепость: на Монмартре нет художников! День, когда Пабло Барселонец переехал на Монпарнас, следует объявить трауром. Когда настоящие таланты начинают посещать дорогие рестораны, это означает гибель эпохи.

– Однако же не все покинули Холм...

– Любезный барон, – Фредэ посмотрел на собеседника с укоризной, – извините, но оставшиеся смыслят в искусстве не больше, чем мы. Эти, коих вы упомянули, могут лишь подражать Барселонцу. Или Моди.

– Не буду спорить о вкусах, – нахмурился Пижар. – Кстати, раз уж зашла речь... Как вы отнесетесь к плакату работы Модильяни?

– Не всем по душе такой стиль. Некоторые при виде его картин задумываются: падать ли перед ними ниц или же хвататься за палку. Упреждаю следующий вопрос: Пикассо хорошо прижился на Монпарнасе, и его оттуда чертовски сложно выманить. Конечно, когда выпьет, он ностальгирует по Холму – мол, лучшие годы жизни... Да только пьет теперь Барселонец в «Клозри-де-Лиля», а не в «Кроликке». К тому же сейчас его нет в Париже, – папаша со вздохом насадил на вилку ворох мелкой рыбешки. – Вот кто-нибудь из символистов...

– Постойте, – прервал его барон, – мне казалось, что символисты выходят из моды и вымирают как вид...

– Не преувеличивайте, мсье Пижар. Это живучая поросль. Со временем кубизм если не уйдет бесследно, то станет обыденным явлением. А они еще скажут свое слово.

– Но символизм утратил былую новизну, согласитесь хотя бы с этим!

Фредэ неопределенно повел плечами.

– Скорее, потерял фальшивый лоск. Я не боюсь показаться старомодным. Есть то, что приносит деньги. Есть то, что имеет признаки гениальности, – оно стоит дороже, и неважно, исполнено ли это кубистом, фовистом, символистом... Вы заметили, что во времена жестоких перемен искусство начинает пахнуть тленом? В моду входят образы смерти, демоны бездны, ангелы скорби... Макабр не зря возвращается из средневековья. Так было всегда перед большими войнами. Предчувствие трагедии витает в воздухе, и люди искусства чувствуют этот дух острее остальных. Грядет война... Кое-кто еще надеется на мирный исход. Пусть это не патристично, однако я имею в виду разумную молодежь, которую не слишком тянет в окопы. Но мы-то с вами в юности пережили Третью республику и видели обугленные развалины Парижа.

Папаша помолчал, теребя бороду пальцами. Его глаза подозрительно блеснули.

– Когда-то русским помогло сожжение их столицы; нам тридцать лет назад – нет. Город был восстановлен в боли и стыде поражения, в позоре предательств – бóльших или

меньших, – Фредэ осекся, вспомнив обезображенные тела в волнах среди обломков мачт. – И вовсе не на тропических Карибах, а здесь, в центре Парижа мы видели, как группы рассыпались пеплом в руках волонтеров санитарных команд. Многих мертвецов невозможно было положить на носилки...

Пижар взмолился:

– Мой дорогой Фредэ, давайте забудем об ужасах! Мы так славно начинали разговор!

– Да, так к чему я клоню, – рассеянно кивнул папаша. – Война. Политики раздражают политиков. Любые переговоры ведутся ради оправдания бессилия. Война уже выбрала нас, она выше людских желаний. Страны готовятся к кровопусканию, которое не сравнить по размаху с европейскими войнами Бонапарта. А искусство – прошу внимательно выслушать мою мысль! – искусство, и только его, война не способна уничтожить. Оно пророк, оно знает о грядущей гибели цивилизаций. Так было и в старину. Я имею в виду всё, что связано с макабрической пляской – пляской смерти на кладбище мира. А сейчас роль макабра исполняет символизм. И этот бал в честь смерти станет символом пренебрежения к самой смерти.

– Чумной бал, – вздохнул барон.

– Похоже, – пожал плечами Фредэ. – Я уверен в одном: нас поймут.

– Наша публика понимает всё, что так или иначе касается

выпивки. Любой повод хорош.

– Ну, не следует унижать моих клиентов. Они люди порядочные.

– Вот, допустим, за окном прохаживается Утрилло, – сказал Пижар. – Он порядочный?

Фредэ откинул занавеску и выглянул на улицу.

– Это я образно, – пояснил барон. – Скорее всего, он уже валяется где-нибудь пьяный...

– Или пишет площадь Карузель. Две стороны медали. Но вернемся к афише. Она должна увлекать, притягивать, обещать многое. А мы сможем дать публике это самое многое, не правда ли?

– Хорошо, уговорили, – кивнул Пижар. – Афишу должен писать хороший символист. У вас есть кто-нибудь на примете?

Папаша Фредэ оживился.

– Любезный друг! Сегодня вы меня удивили и порадовали. Позвольте, я попытаюсь ответить вам тем же! Замечательная картина замечательного художника! – и нырнул в глубь «Кролика».

* * *

Аккордеон на улице смолк. У кабаке несколько человек переминались с ноги на ногу в ожидании гостеприимно распахнутых дверей.

Пижар почувствовал себя неловко. Он действительно слабо разбирался в современной живописи, а потому ожидал папашу без особого интереса. Его занимал более прозаический вопрос: какую цену предложит Фредэ за партию рома.

– Вот, смотрите! – промурлыкал папаша, прижимая к груди большой прямоугольный сверток. – Представьте, я выложил за это чудо смешную сумму!

Фредэ повернулся к барону спиной и положил картину на соседний столик. С полминуты шелестел оберточной бумагой.

– Эта картина не должна находиться на свету, – пояснил папаша. – Так мне сказал мсье Дежан.

– Простите, кто? – переспросил барон, глядя, как Фредэ устанавливает раму на стуле в самом темном углу. – Не припоминаю такого. Из приезжих?

– Именно, – кивнул папаша. – Но вы его вспомните при встрече, уверяю. Он высок, носит цилиндр и...

– Что же вы замялись, любезный Фредэ?

– У него необычайно длинное лицо, и на нем словно бы одни глаза...

– Я помню его! – воскликнул барон. – Этот человек страшен!

В памяти Пижара возник бледный великан со смоляными прядями волос и нечеловечески темными, беличьими глазами. Его внешность была непривычной и отталкивающей. Он казался ангелом-отступником, чьего лица коснулся по-

ка еще едва заметный метастаз проклятия Господнего. Он носил старомодный сюртук, идеальной белизны рубашку с накрахмаленным воротником и малиновый шейный платок, сколотый золотой булавкой. Туфли его были сделаны из превосходной английской кожи и имели несколько длинноватые заостренные носы. Похоже, что этот Дежан намеренно заказывал себе одежду нелепую и эксцентричную. Издали белый клоун. Однако вблизи...

Глаза! Эти глаза...

Пижар вспоминал, когда этот тип впервые появился на Холме – год назад? три? – только сразу же стал в «Кролике» чужаком. Дежан, видимо, сразу понял это, но ничуть не расстроился. Он сел в уголке второго зала, у камина, и отгораживался от всех газетой. Сначала присутствие незнакомца просто раздражало. Однако исходивший от него дух неизвестной опасности удерживал даже самых отчаянных смельчаков от острот и вызывающих реплик в его сторону.

Он начал бывать в «Резвом Кролике» столь часто, что его газета, цилиндр и остроносые ботинки со временем стали казаться частью интерьера. Завести с ним разговор поначалу никто не решался, а потом это стало попросту неудобно.

Однако, вспомнил барон, случилось одно обстоятельство, которое в глазах посетителей вывело Дежана из разряда мебели.

Однажды вечером в «Резвый Кролик» вошли трое – Модильяни, Хаим Сутин и Макс Жакоб. Именно вошли, а не ввалились, что ранее было характерно для компании Амедео. Будучи пьян, Модии нередко устраивал дебоши с битьем посуды, а то и провоцировал потасовки. Но только не в тот раз. Да, он пошатывался, обводил помещение оторопевшим взглядом неестественно выпученных глаз, однако вызова в его поведении не наблюдалось.

– Гашиш? – вяло поинтересовался из-за стойки папаша Фредэ.

Он был не в духе. Доход за эту неделю оказался маловат, да еще в последнее время Фредэ стал чаще вспоминать своего пасынка Виктора, которого застрелил один из местных сутенеров. Это произошло здесь же три года назад.

Модии неопределенно кивнул, а Сутин, тоже едва державшийся на ногах, зажмурился и прижал палец к своим широким губам. Только Жакоб смог из себя выдать:

– Да, в салоне... у Амедео вытащили деньги. Мсье Амбруаз Воллар обещал послезавтра купить его этюды... Тридцать франков. Пожалуйста, мы вернем...

Фредэ покачал головой.

– Не дам. Кредит закрыт. Модии, ты о долге не забыл? Девяносто франков.

Амедео посмотрел на папашу пристальным, но не враждебным взглядом, и со вздохом отвернулся.

– Хочется есть... – сообщил он в пространство.

На глаза Жакоба навернулись слезы. Не в силах находиться в унижительном положении, он выскочил за дверь и прижался к стволу липы у входа. Сутин развел руками и заискивающе улыбнулся папаше. Посетители притихли.

Пижар видел изможденное лицо Моды и лихорадочно подсчитывал в уме мелочь. Увы, как он и рассчитал заранее, ее хватало лишь на оплату собственной выпивки.

– Эй, папаша, верну, слышишь? А не дашь, так и дьявол тебя поберет! Тебя – и «Кролик».

Стоявший рядом с Фредэ долговязый негр Шоколад расправил плечи и начал медленно двигаться в сторону злополучной компании. Друг папашы порой выполнял обязанности блюстителя порядка. Этот колоритный тип был известен в «Кролике» еще со времен прежнего хозяина заведения – знаменитого шансонье Аристида Брюана. Лет двадцать назад чернокожий уроженец Бильбао был клоуном в «Новом цирке». Шоколад водил дружбу с Тулуз-Лотреком. Они вместе напивались джин-виски в «Айриш энд Америкэн бар» и «Мирлитоне». На арене у чернокожего было ампула простака и увальня. Но во время оргий, коими был знаменит Париж девяностых, стоило кафешантанному оркестрику заиграть что-нибудь веселое, Шоколад полностью преобразался. Он становился необычайно подвижен, пластичен и прекрас-

но танцевал. В «Кролик» его пригласил Брюан, потом, как по наследству, старый клоун вместе с кабаре перешел во владение папаши Фредэ. Сейчас его неизменная клетчатая кепка потерлась, волосы стали седыми, но сказочная сила и ловкость, казалось, с годами только возросли. Следует заметить, что Шоколад отличался не только добродушным нравом, но и отчаянной религиозностью. Последние слова Моды по поводу дьявола он был готов принять как личное оскорбление.

Никто из завсегдатаев не сдвинулся с места. Все знали негласное правило кабаре: здесь погромов не устраивают и безоговорочно уважают владельца. Папаша Фредэ в свое время неоднократно выручал почти каждого из присутствующих. Если он решил не оказывать помощь этой компании, то у него есть основания.

Моди заметил движение Шоколада и понял, что сейчас его попросту вышвырнут. Взгляд Амедео чуть прояснился, в нем засквозила итальянская гордость пополам с упрямством. Рука Моды уже нашаривала спинку ближайшего стула. Шоколад выпятил грудь, раздул ноздри и ринулся на противника...

И тут барон Пижар воочию убедился, что летящую скалу можно остановить.

Между темнокожим атлетом и Моды молниеносно втиснулась гигантская фигура. В следующее мгновение Шоколад был бережно, однако весьма настойчиво отодвинут назад, а Амедео от неожиданности попятился сам.

– Оставьте, не надо, – с легким акцентом, твердо печатая согласные, произнес бледный незнакомец. – Право же, не кипятитесь.

Измученный Шоколад еще раз дернулся и остановился. Так они и замерли напротив – длиннолицый великан в черном сюртуке и темнокожий силач в песочно-желтом выходном костюме.

– Вот и хорошо, – незнакомец отпустил плечи Шоколада. – Любезный Фредэ, с вашего позволения я закрою счет этого мсье. Здесь сто франков.

– Я возражаю... – насупился папаша, однако деньги принял. – А вообще-то всё равно. Вы ведь его даже не знаете...

– Сказать по чести, и мне всё равно. Он показался мне хорошим человеком, – незнакомец поклонился присутствующим. – Анжелюс Дежан, к вашим услугам.

Затем занял привычное место у камина.

– Чертовы русские *бояры*, – пробормотал кто-то из посетителей. В этом голосе смешались злость и восхищение. – Они думают, что могут купить Париж. Гордец Моды сейчас ему покажет!

Однако уже окончательно пришедший в себя Амедео не собирался никому ничего показывать. Он внимательно поглядел на незнакомца и кивнул со сдержанной благодарностью.

– Мсье Дежан, как я сказал, деньги будут послезавтра. Прошу прощения, дорогой Фредэ. Жаль, мой гонорар доста-

нется не вам, – последние слова он произнес с порога.

Через день, ближе к вечеру Модильяни пришел в «Резвый Кролик» вернуть долг. Дежан рассеянно принял деньги и улыбнулся Амедео. Вдруг, словно увидев за спиной Модичто невероятное, он изменился в лице и торопливо направился к выходу. Несколько не особо тактичных посетителей выглянули на улицу.

Дежан стоял под липой и провожал взглядом уносящееся вниз по рю де Соль красное такси...

* * *

– ...Алле! – Подражая иллюзионистам, папаша смахнул с холста последний покров. – Картине необходимо впитать тень – так советует художник. Смотрите внимательно, и наверняка вы откроете для себя нечто новое в живописи.

Пижар замер от неожиданности. Картина словно заговорила...

* * *

...Это было в старом саду в одну из позабытых зим. Что ты делал там один, студеной ночью? Память услужливо подбрасывает образ: да, конечно, это свидание, ты ждал ту... Синяя варежка растирает нежную щеку, теплый пар дыха-

ния у твоего лица, торопливый женский поцелуй. Кто она, та безымянная? Хочется вернуть позабытый кусочек жизни. Ты смутно вспоминаешь время, события, образы.

Той ночью она не пришла. Кажется, эта встреча должна была стать последней... Ты снова видишь два одинаково круглых светила в ночном небе. Слева, над острыми ветвями деревьев, тускнеет луна. Прямо перед тобой залепленный снегом газовый фонарь – его огонек мерцает над ажурной ковкой чугунного столба. Вдруг впереди, снизу вверх перечеркивая сугробы, стену мертвых деревьев, полотно розово-черных небес, взвивается снежный бурунчик. Он вьется вокруг фонарного столба, и ты видишь настоящее чудо. Изпод сугроба вместе со снежинками взмывают невесть как сохранившие цвет желтые, алые, даже еще зеленые листья, ничуть не тронутые тленом поздней осени: кленовые с изящными гранями, округлые дубовые, похожие на нарисованные ребенком облака, березовые, тополиные, ивовые...

И вот, всего на мгновение, у самого стекла фонаря сложились они в невиданной красоте женское лицо.

Лишь короткий миг выхватил из небытия широко распахнутые глаза, тонкую линию переносицы, сжатые губы, взбитые волной ветра густые пряди волос. Беспощадное совершенство, чей взгляд опасен смертному. Юное божество иной вселенной легко коснулось взглядом нашего мира. Подсвеченное изнутри огоньком фонаря, а оттого еще более таинственное, взглянуло быстро и деликатно, чтобы не разру-

шить наш мир, не уничтожить привычные нам понятия об истинной красоте – и по той же причине явилось лишь одному человеку.

Тебе.

Этого оказалось достаточно, чтобы свести тебя с ума, в одно мгновение познавшего совершенство и ставшего мудрым. Сладкий комок восторга перекрывает дыхание. Ты ощущаешь, как слеза остывает в уголке глаза.

Моя, только моя, ибо явилась только мне, шепчешь ты. Замеченная тобою одним в дарованное свыше мгновение, словно бы некто могущественный и непостижимый извинился за твое бессмысленное ожидание, за грядущее одиночество бесчисленных долгих ночей.

Моя, моя.

Отныне во снах не отыскать покоя, ибо тебе уже никогда не забыть однажды увиденный образ. Дневную память постепенно сотрет солнечный свет, и ты уже не будешь знать, случилось ли это чудо наяву. Зато ночами, в полудреме, когда реальный мир уже расплывается, а сон только начинает проворачивать ключ в дверце сознания, попытаешься угадать в причудливо изогнутых складках одеяла однажды явленный лик. После, во сне, увидишь ее, свою фею осенних листьев и синего снега, внезапно проснешься и снова, снова с нетерпением будешь ожидать следующей ночи.

Яви свой лик!..

Что я вижу в твоих глазах? Свое отражение. Я хочу, чтобы

так было всегда. Я знаю о тщетности молитв, но продолжаю заклинать: не уходи, не убивай разлукой!

Ведь ты моя.

Только моя...

* * *

Пижар еще с минуту плакал как ребенок, совершенно не стесняясь крупных слез, которые падали на поверхность стола.

– Любезный Фредэ, не удивляйтесь, я могу быть сентиментальным. Одиноким мужчинам порой это позволяется, не так ли? – наконец сквозь слезы улыбнулся он. – Так уловить мгновение, так чудесно написать! Сколько бы вы желали получить за это...

– Цену обсудим после того, как договоримся о стоимости партии ваших орехов, – папаша был несколько удивлен впечатлением, которое произвела на барона картина. – Быть может, холст навеял вам что-то свое.

– Да, очень личное, – Пижар встрепенулся. – Так отчего же мы медлим? Давайте навестим этого чародея!

Глава 2. Такси и палуба

Около полудня в дворик перед двухэтажным домом на рю Лепик, 73/2, въехал маленький армейский грузовик. Из кузова выпрыгнули пятеро рабочих. Один из них тут же принялся стучать в дверь, четверо начали вытаскивать из кузова нечто громоздкое.

На пороге появилась миловидная женщина лет сорока, с волосами, заколотыми на затылке в строгий узел. Темно-малиновое платье без вольных вырезов и декольте, так любимых современными модницами, черный платок на узких плечах, высокие коричневые ботинки, застегнутые у щиколоток медными пуговицами – всё говорило о том, что дама придерживалась консервативных взглядов.

– Слушаю вас, мсье.

Рабочий подумал, что перед ним либо вдова, либо социалистка. В любом случае она не была похожа на особу зажиточную или же, по крайней мере, состоятельную.

– Ваш заказ, мадам.

– Ах да! – вспомнила женщина. – Сегодня суббота. Должна поступить какая-то посылка... Будьте добры, подождите, – и вновь исчезла в доме.

Предположение рабочего, по сути, было верным. Одиль Донадь служила в костюмерной «Гранд-Опера». Она похоронила мужа шесть лет назад, и с тех пор сдавала комнаты

на втором этаже своего дома. Всё чаще вдова задумывалась над перспективой переезда на юг. И последний месяц, ввиду приближения тяжелых и опасных времен, немного досадовала, что не решилась сделать этого раньше.

Она вышла во двор через минуту в сопровождении очень высокого широкоплечего мужчины, чье лицо было странно вытянуто и имело призрачно-бледный оттенок. Человек был в выглаженном сюртуке и черных брюках с тщательно наведенными стрелками. Спутник дамы мягко, чуть застенчиво улыбнулся, отчего его лицо показалось даже немного симпатичным.

– Вот, мадам Донадье, мой заказ, – мелодичным баритоном произнес он. – Надеюсь, это внесет еще одну нотку комфорта в ваш дом. Вещь не только практичная, но и красивая. Ведь вы не откажетесь принять подарок?

Мадам Донадье кивнула, пытаясь понять, что за огромный предмет, упакованный в промасленный картон, только что извлекли из кузова рабочие.

– Замечательно! – обрадовался мужчина. – А сейчас попрошу вашего разрешения иногда пользоваться этим подарком.

– Вы его получили, любезный мсье Дежан, – в ее взгляде мелькнуло сомнение. – Однако, что бы это ни было, вещь довольно... объемная. Не подумали ли вы заодно и о том...

– Предусмотрел. Всё предусмотрел, – кивнул Дежан. – Вчера вы были на рынке. За это время, извините, я стащил у

вас ключ от подвала и немного расчистил там место. – Если вас не затруднит, – тут же обратился он к рабочим, – занесите это в дом, потом вниз по лестнице. Я провожу вас.

Мадам Донадье отпрянула в сторону, когда рабочие буквально бегом втащили в дверь предмет.

– Бога ради, осторожнее! – сдержанно сказала она. – Не повредите перила и ступени.

– Всё в порядке! – Голос Дежана из глубины дома слышался приглушенно. – И пожалуйста, дождитесь моего приглашения!

– Сюрприз, – иронично покачала головой женщина. – По крайней мере, на сегодня это уже не мой дом. Распоряжайтесь, мсье!

Четверть часа спустя, когда мадам Донадье, спрятавшись от солнца за увитой виноградными лозами теневой стороной дома, уже начала скучать и немного сердиться, изнутри раздался ликующий голос Дежана:

– Всё готово!

Мадам Донадье покинула убежище и едва не столкнулась с радостными рабочими, которые тащили к грузовику кучу смятых картонок. Надо полагать, щедрость заказчика превзошла их ожидания.

Уже спускаясь, женщина придирчиво осмотрела деревянные перила по обе стороны неширокой лесенки. Затем заметила мерцающий внизу красноватый свет.

Дежан поднимался навстречу.

– Прошу вас, – изысканно поклонился он. – Закройте глаза и готовьтесь увидеть чудо. Ведь мы, люди, должны удивлять друг друга... хотя бы иногда.

– Вы правы, – согласилась мадам Донадье. – Уже зажмурилась. Ведите осторожно.

Одиль почувствовала, как ее взяли под локоть.

– Теперь можно смотреть! – произнес Дежан, когда под ногой женщины скрипнула последняя ступенька.

Но мадам Донадье открыла глаза не сразу: ей понравился сам процесс игры, ощущение чего-то необыкновенного и очень приятного. Как в детстве...

Вначале она не поняла, что именно находится перед ней. И испугалась.

В тусклом сиянии свечей, на напряженных, словно перед прыжком, львиных лапах, стоял сверкающий грифон. Изогнутая шея естественно переходила в широкую, покрытую ровными рядами перьев, грудь. Массивная голова чуть приподнималась вверх. Крючковатый клюв открылся в готовности поразить незримую жертву. Сильные крылья прижимались к бокам. Хвост с мохнатой кистью на конце обвивал задние лапы.

Однако в чудовище что-то было не так. Оправившись от потрясения, мадам Донадье, наконец, поняла что именно.

У грифона отсутствовала спина. И... он был полым внутри.

– Там, откуда я родом, – заговорщицки произнес Дежан, –

есть традиция обмывать приобретение, чтобы вещь долго и исправно служила владельцам. Я заказал бутылку шампанского.

– Это... ванна?! – выдохнула мадам Донадье.

– Ну что вы! – улыбнулся Дежан. – Это настоящий скифский грифон.

– Занятно. А сливное отверстие у него...

– По моей просьбе мастер сделал слив между передними лапами, – Дежан смутился. – Я объяснил ему, что это подарок для дамы.

– Тактично с вашей стороны, – кивнула хозяйка. – Благодарю за подарок. Работа тонкая и выполнена со вкусом.

– Ванна отлита по моим эскизам. Она чугунная и покрыта снаружи бронзовой пылью. Надеюсь, прослужит много лет.

– Париж начинает смывать грехи, – улыбнулась мадам Донадье. – Чистота снова в моде. Вы не даете мне отстать от современных увлечений.

– Например, Модильяни моется в тазу, а Пикассо по слухам тоже завел ванну на Монпарнасе, – с воодушевлением поддержал ее Дежан. – Представьте, говорят, он расположил ее на втором этаже, а воду поднимает в ведрах на веревке прямо в окно!

– Это ваши приятели? Кажется, художники?

– Насчет приятелей – вряд ли, – он пожал плечами. – Но живописцы очень и очень интересные.

– Ну, вот, – кивнула мадам Донадье. – А куда вы денете

свой таз? Отдадите кому-нибудь из знакомых?

– Думаю, да, – пожал плечами Дежан. – К примеру, я давно собирался посетить «Бато-Лавуар» и «Улей». А право испытать этого грифона я уступаю даме. Хочется сделать вам небольшой праздник. Вы не против?

– Охотно помогу в испытании, – рассмеялась мадам Донадьё. И подумала, что ее постоялец, невзирая на отталкивающую внешность, человек милый. Очень милый и немного наивный рыцарь. – Только давайте перенесем это ближе к вечеру: много домашних дел...

– Конечно-конечно! Я не спешу. И всё же предлагаю выпить шампанское. Кажется, лёд в ведерке уже подтаял.

* * *

Двумя часами позже, с душой, потеплевшей от двух бокалов шампанского и приятной беседы с мадам Донадьё, Анжелюс Дежан поднялся к себе. Он занимал две комнаты второго этажа. Первая – гостиная с круглым дубовым столом, тремя стульями и задвинутым в угол большим бюро, выходила окном на восток. Шторы были желтые, почти прозрачные, а потому не сдерживали жаркие лучи летнего солнца. Под окном стояли два горшка с фиолетовыми соцветиями перуанских гелиотропов – гордостью мадам Донадьё. В обязанности Дежана как постояльца входила поливка; обрезкой верхушек занималась сама хозяйка.

Вторая комната была заметно больше, с темно-красными, почти коричневыми, занавесками и объединяла в себе спальню и мастерскую. Мадам Донадьё нравилась аккуратность Дежана, поэтому она смотрела сквозь пальцы на соседство кровати с холстами, масляными красками и олифой. Рядом с окном стоял платяной шкаф, который занимал едва ли не пятую часть комнаты. В нем висели костюмы: три одинаковых черных сюртука с тремя парами брюк того же цвета, песочный пиджак и белая английская пара в темную продольную полосу – для выходных. На шляпной полке покоились два цилиндра, соломенное канотье с желтой лентой и кремовой котелок. Решив, что мебель в мастерской также должна служить искусству, Дежан иногда использовал дверцы шкафа: вывешивал на них холсты для просушки.

Сегодня Анжелюс хотел полентяйничать. Он лег на кровать поверх вышитого покрывала и закрыл глаза.

С утра художник удивлялся легкому чувству тревоги. До сих пор всё было как-то неестественно хорошо и безоблачно. Но теперь созревает некое событие, которое изменит жизнь. Он волновался, размышляя, что принесет ему неожиданная и наверняка не слишком желательная перемена. Жить, заниматься живописью, думал он, отчего же не делать это спокойно в уютном домике на солнечном Холме? Всё так ладно сложилось, почти идиллия, но не хватает одной детали, не хватает... красного авто, летящего к закату...

...В то же мгновение Анж увидел красное такси с высоким, как у кареты, верхом. Оно пронеслось мимо с пугающей скоростью. Но художник успел рассмотреть женскую ладонь, затянутую шелком алой перчатки. И эта ладонь отчаянно билась в стекло изнутри салона. Такси летело вниз по склону к полной колышущихся теней бездне – бесшумно, призрачно, неотвратно. Сознание Анжа пронзила мысль: за рулем никого нет!..

– Ее же убивают! – закричал Дежан, и голос его вонзился в безразличное небо. – Всеми именами всех богов заклинаю: смерти не бывать!

И красное такси замедлило полет.

Зато начала оживать разбуженная криком бездна. Нечто вязкое потянулось из провала, осторожно ощупало автомобиль и снова потащило его вниз. Колеса с едва слышным шорохом скользнули по пыли и застыли в воздухе. Анж понял, что в споре с бездной неминуемо проиграет.

Машина плыла над дорогой, желтые спицы колес не вращались. Кулачок в алой перчатке бессильно прижимался к стеклу. В салоне было темно, и Дежан не мог увидеть лица пленницы. Он знал: если позволить бездне заглотить жертву, тогда придет конец ему самому, картинам, надеждам, солнцу, Холму, миру...

Художнику остро хотелось заглянуть в бездну. Теперь то темное и живое, что было в провале, приближалось к такси: впереди, совсем близко, миллионами причудливо изогнутых ветвей колыхался древний лес.

Без надежды что-либо изменить, Дежан направил свое сознание на место водителя. Руль, обтянутый кожей, лобовое стекло, фонарь на капоте... Неожиданно художник обрел спокойствие, а затем и полную уверенность в себе. Это сон, с предельной ясностью понял Анж. И сразу ощутил, как его руки коснулись руля. Некая мистическая воля удерживала его разум, давала понять, что он еще не всё увидел. Что уходит не время. Наверное, так и умирают во сне, чтобы навсегда остаться тенью в чужом мире...

Ну нет, одернул себя Анж. Впереди пугающая тайна, за спиной невидимая во тьме незнакомка. Что бы ни произошло в глубинах чащи, первым с кошмаром столкнется он сам и будет драться, защитит пленницу, запертую в салоне. Или погибнет.

Меж тем густые кроны уже вздымались над головой. Они клубились тучами, ежесекундно проглатывали куски неба. Стволы гудели, монотонно вытягивая низкую ноту. Деревья оказались столь велики, что густые переплетения корней кое-где вздымались над крышей автомобиля. И там, среди корней, Дежан заметил узкую тропу, на которую тянула такси неведомая сила.

Заросшая сухой травой полоска земли, что отделяла авто

от чаши, вдруг исчезла. Тьма навалилась со всех сторон, стала душной и мягкой, словно в кабину набилась вата. Ощувив себя загнанным зверем, Дежан оскалился и глухо зарычал. Его тело напряглось само собой, волосы вздыбились, словно шерсть на холке хищника. В тисках опасности художник переполнился первобытным азартом. Что бы ни ожидало впереди, оно еще не знает, к чему готов Анж – сильный и озлобленный.

Пленница в салоне притихла. Анж почувствовал острую жалость. Жалость, нежность и... Любовь. Да, любовь, как тогда, несколько лет назад. Здесь, в автомобиле, рвущемся в неизвестность, Дежан вспомнил то, о чем, казалось, давно позабыл...

* * *

Вот он уже не в кабине. Демонические стволы и корни мгновенно раздались в стороны и исчезли. Это был сон во сне, такой же тревожный, неотвратимый. Тем страшнее: на этот раз Анж знал наперед, что его ожидает.

Где только что были густые кроны, засияли огни. Над головой вздулся купол шапито. Анж сидел высоко над ареной, у прохода. Оркестрик на балконе играл неизвестный романтический вальс. Под самым куполом на трапедии, много выше голов застывшей от восторга публики, кружилась девушка. Она была наряжена в плотно облегающее домино, расши-

тое фиолетовыми, желтыми и синими треугольниками. На зыбкой грани здравого смысла и смертельной опасности гимнастка проявляла чудеса гибкости. Анжу было видно, как бесстрашная девушка время от времени без видимой надобности разжимала пальцы. Она играла со смертью, смеялась в лицо небытию, пренебрегала опасностью быть наказанной за осознанное безрассудство. Вглядываясь в ее черную бархатную полумаску, Анж гадал, кто она и как смеет вести себя так глупо и подло по отношению к нему, зрителю?! Он всей душой боялся за нее, вздрагивал при очередном кульбите, еще более опасном, нежели предыдущий. Художник мучительно полюбил и возненавидел акробатку.

А девушка знала, что публика в ее полной власти. Вернувшись по домам, все они – мужчины, женщины, детишки – не будут помнить ужимки клоунов, толстые шеи борцов, джигитовку наездников, напускную браваду укротителей и ловкость рук фокусника-престижителя. Им не забыть только этот дикий, неуправляемый полет, безумный танец юного тела. И они будут ненавидеть гимнастку за то, что никогда не сумеют бросить смерти такой же элегантный, отточенный в своем совершенстве вызов.

Между тем девушка заставила трапецию завершить движение по кругу. Теперь гимнастка просто качалась по широкой амплитуде, принуждая трапецию раскручиваться с пугающей быстротой. Причем один раз гимнастка оказалась прямо перед Анжем. Он увидел ее напряженную спину, узкую

талию, смуглый затылок с капелькой пота, короткую стрижку темных волос.

Маятник-трапеция ускорил ход; гимнастка уже не играла с опасностью. Ее движения стали механически точными. Казалось, теперь и она, и трапеция зажили отдельно: гимнастка – чтобы на короткое мгновение перелета обрести зыбкую опору, блестящие качели – чтобы перенять частицу тепла человеческих ладоней.

Анж осознал приближение роковой минуты. Гимнастка развернулась в воздухе и ловко перехватила перекладину. Помня о происшедшем тогда, в реальной жизни, художник вскрикнул, вжался в спинку кресла и попытался закрыть лицо руками.

Поздно.

Девушка пересеклась с ним взглядом – ее зеленые глаза под полумаской и его – карие, беличьи, на маске призрачно-бледной кожи.

Девушка вскрикнула.

Отлетев по траектории назад, она внезапно расцепила руки. Высота падения была устрашающей, к тому же инерция отбросила ее тело к борту манежа. Из-под левой ноги гимнастки ручейком потекла густая кровь. Не следовало быть опытным кукольником, чтобы понять: арлекин сломался.

Цирк оцепенел. Только один человек бросился вниз по лестнице, потом через всю арену к маленькой фигурке – огромный, с черными глазами мученика. Он осторожно под-

нял ее голову и положил себе на колени. Глаза девушки закатились под маской. Гимнастка застонала, и ее стон слился с криком Анжа...

Следом хлынули рабочие в униформе, акробатки, какие-то люди во фраках. Ее отняли у Дежана, подняли на носилки, унесли с арены.

Больше художник не видел гимнастку. А потом клял себя за то, что даже не удосужился прочесть на афише ее имя. Чей цирк – немецкий? французский? испанский? Да, наверное, она была испанкой, черноволосой и смуглой...

* * *

Стены шапито вновь сдвинулись, огни погасли, звуки вальса отдалились. Вокруг тяжело закрипела древесная кора, и руки, только что нежно державшие изломанное тело, вновь впились в жесткий руль. Вернулась реальность прежнего сна. И вместе с нею пришло понимание: за спиной у Дежана, запертая в коробке, находится именно она – та, которую он полюбил и тут же уничтожил своим уродством. Да, уродством, ибо невозможно иными словами описать его жуткую, отталкивающую несхожесть с другими.

И вот он, ее убийца, сейчас направляет красный катафалк в самое сердце inferнального дантова леса.

Нет, безмолвно закричал Анж, это единственный шанс! Некто дает возможность спасти ее! Видение цирковой тра-

гедии на самом деле было помощью силы, несомненно, дружественной ему, Анжелюсу Дежану, и враждебной бездне, до краев набитой страшным лесом. Художнику с внешнестью падшего ангела и разбитым сердцем теперь не отступить. Ему дано исправить минувшее, силой повернуть жестокую неотвратимость. Это самое малое, что он может сделать для юной искалеченной гимнастки. Для той, чьей господней карой за безграничную смелость послужил он сам.

Такси остановилось. Настала тишина, абсолютная и гнетущая. Зло глядело из тьмы. Дежан покинул кабину и заглянул в салон. Женский кулачок разжался, погладил стекло изнутри. Художнику стало тепло от счастливой мысли: она, быть может, и не узнала его, но почувствовала, что может довериться неизвестному защитнику.

Мрак продолжал сгущаться, обволакивал такси. Анж поднял с земли увесистую ветку и почувствовал себя увереннее. Затем прижался спиной к салону авто, чтобы встретить кошмар лицом к лицу.

– Не тронь! – прошептал он замшелым стволам и черным клубам листвы. – Не тебе со мною тягаться!

Сверху лавиной обрушился безумный хохот. Дежан вздрогнул, однако покрепче уперся ногами в землю и поднял дубину.

– Я готов, – сказал он тьме. – Иди. Я убью тебя.

Хохот стих. В ветвях одновременно вспыхнуло множество желтых огоньков. Они зашевелились, начали сдвигаться, од-

нако не сливались между собой. От вырастающего до колоссальных размеров роя светляков исходила угроза; воздух переполнялся тяжелой злобой.

Потом началось.

Плотный ком огней метеором обрушился на Дежана. Художник чуть присел и наотмашь ударил по шару. Под палкой хрустнуло, заклекотало, взвыло. Комок развалился. Анж зашелся в торжествующем крике: это нечто обладало реальной, убиваемой плотью. Пока огни снова сбивались в шар, Дежан мельком глянул под ноги. На земле, разрывая траву когтистыми лапами, бились две крупные совы. Анжа затошнило; он сплюнул горькую слюну.

Дежан отвлекся лишь на мгновение и пропустил новую атаку. Воющее облако рухнуло на него, захлестнуло вместе с автомобилем. Крылья беспощадно молотили по лицу, острые клювы почти по-собачьи – из стороны в сторону – трепали воротник, терзали ткань на плечах, полосовали в кровь открытую шею. Лапы с чудовищным упорством вырывали уже бесполезное оружие. Бушующее марево облепило такси и начало раскачивать его с монотонной силой.

Сдаться означало погибнуть. Кто-то другой, невидимый, устроивший всё это, сейчас терпеливо наблюдал за бойней. Дежан с усилием распрямылся, сбросил клубок совиных туш и шагнул к автомобилю. Когда перед ним сомкнулась живая стена, он вдруг почувствовал, как другая, светлая сила наполнила его надеждой и волей к борьбе. А с нею пришло

и нечто новое, непонятное, могущественное. В сознании зазвучали слова заклѳтия или молебна. Анж начал повторять их вслух:

*Солнце острой тонкой бритвой
Вскрыло вену-горизонт —
Может, следствие молитвы?
Инфернально-крестный ход?
Сага ночи приоткрылась,
Заискрились нимбы звезд.
Слышишь? – ветер...
Это Гипнос ей щекочет прядь волос...*

...с воспоминанием об изумрудных глазах всё вокруг изменилось. Порыв свежего ветра хлынул меж узловатых стволов, растворил чащу, освободил звездное небо. Незримая рука смела с автомобиля бьющихся в ярости птиц, которые тут же растворились в пространстве. Ветер, подобно опытному хирургу, бережно коснулся художника, извлек из ран тягучую боль и унес ее высоко-высоко, к черствой корке небес. Анж оперся спиной о дверцу такси и не сразу услышал стук. Он обернулся: маленький кулачок в красной перчатке снова стучал по стеклу. Из глубины салона показалось лицо, и у Дежана едва не подкосились ноги.

На него глядела бледная венецианская маска с приколотой сбоку алой розой.

В небесах раздалось рыдание. Художник запрокинул го-

лову и увидел плачущий лунный серп с нарисованными вокруг позолоченными звездами, каждая о восьми лучах. А вместо неба собранный складками темно-синий занавес...

Это всего лишь балаганчик с картонными масками и клюквенным соком вместо крови...

...но женская рука упорно выбивает дробь. Значит, еще не конец...

* * *

– ...Мсье Дежан, вы уснули?

Шея... Кровь? Нет, это пот. Пальцы в липком поту. Настойчивый стук откуда-то извне...

– Отоприте же, к вам гости!

Ну да, конечно, это стучит мадам Донадье. Как вовремя! Был сон. Был кошмар, забытый в момент пробуждения. Хорошо, что так случается...

Анж поднялся с кровати и как мог разгладил костюм. Плеснул в лицо водой из стоявшего на подоконнике кувшина.

– Да, спасибо, я уже проснулся, – Дежан ощутил неловкость: трудолюбивая мадам Донадье сочтет постояльца бездельником, который спит в полдень.

– Двое мсье ожидают внизу. Предложить им подняться?

– Если вас не затруднит. Благодарю.

Он был заинтригован. Гости посещали его редко. Значит,

Дежан кому-то понадобился по делу крайне важному. Тревога мгновенно коснулась его сердца и тут же отпустила. Что-то действительно менялось. Причем не столько в нем самом, как в окружающем мире. Словно все ожидают важное событие и сами не понимают этого.

На лестнице послышался приглушенный разговор. Короткая пауза – и в дверь уверенно постучали.

Дежан отпер и посторонился. Первым вошел высокий пожилой мужчина в морской одежде. Тут же следом протиснулся папаша Фредэ – ну его-то Анж знал неплохо.

– Добрый день, дорогой Монте-Кристо! – Папаша сиял. – Позвольте представить моего спутника: барон Пижар. Очень приятно, что я смогу провести некоторое время с людьми благородными.

– Здравствуйте! – Анж поклонился гостям. – Не скрою, я немного удивлен.

– О, мсье Дежан, – папаша подмигнул барону. – Мы надеемся удивить вас еще больше. Вы не спешите?

Анж пожал плечами и улыбнулся.

– Мне приятен ваш визит. Проходите, располагайтесь.

Фредэ занял стул у окна с гелиотропами.

– В таком случае, приступим. Мсье Пижар!

Барон извлек из сумки странный увесистый предмет белого цвета и подал художнику.

– Как вы думаете, что это? – спросил он.

– Не имею понятия, – Дежан повертел предмет в руках. –

Здесь жидкость. Керамический сосуд?

– Нет, вещь растительного происхождения. Это орех той-той из Нового Света.

Художник вопросительно взглянул на барона.

– У вас есть стакан?

– Это спиртное? – с сомнением пожал плечами Анж. – Помилуйте, мсье, время раннее...

– Вовсе нет! – хором воскликнули гости.

Дальше продолжал Фредэ.

– Доля спирта здесь есть. Но дело не в этом, – и, пресекая возражения художника, быстро продолжил: – Мсье Дежан, как часто вы в своей жизни сталкиваетесь с настоящими тайнами? С захватывающими загадками древности?

– Увы, я не археолог и не антиквар. Вы меня интригуете.

– Именно! – Фредэ счел нужным слегка нажать на Дежана. – Так вернемся к вопросу: есть ли у вас стакан?

Анж со вздохом вынес из спальни-мастерской три стакана.

– Мы уже пробовали, – заверил Пижар. – Собственно, это наш подарок. Только единственное условие: вы должны выпить несколько капель прямо сейчас.

– Быть может, сначала поговорим о деле? – предложил художник.

– Это и есть пролог к беседе, – закивал папаша.

– Наверное, следует разбавить? – Анж еще колебался.

– Вам – не следует, – со странной интонацией произнес

Фредэ. – Именно вам и не следует...

– Вы не враги, так что не стоит бояться яда, – пошутил Дежан. – При здравом рассуждении следовало бы отказаться. Но порою я доверчив до наивности.

Пижар вытащил пробку и налил бурого сока – совсем чуть-чуть. Художник резко выдохнул и опрокинул в горло содержимое стакана.

Фредэ и Пижар впились в него взглядами.

Глаза Дежана заволокло туманной дымкой. Он покачнулся, кашлянул. Попытался подняться на ноги, но тут же снова упал на стул. Художник напрягся, лицо побледнело до синевы, руки судорожно впились в край столешницы.

– Сильный мужчина, – с восхищением заметил Фредэ. – То-то я его никогда не видел в «Кролике» пьяным.

Художник вздрогнул. На его висках и скулах выступили капли пота.

– Давайте попытаемся отгадать, что он сейчас видит, – предложил Пижар с азартом.

– Так нечестно, – возразил Фредэ. – Мы наблюдаем за ним, как за животным. Готов поспорить, что у вас, барон, в первый раз был тот же вид. Как и у меня. Какой будет у тех, кому предстоит пройти через это на карнавале.

– Да, согласен, – Пижар был смущен. – Я сейчас думаю о том, что мы, быть может, совершаем благое дело. А вдруг кто-нибудь глотнет той-той и разгадает этот ребус?

– Зыбкая надежда, – Фредэ задумался. – Если все подряд

будут «читать» послание, мы превратим его в подобие вечерней газеты.

– Уж не отказываетесь ли вы от идеи?! – заволновался барон.

– Нет. Идея встряхнуть Холм очень привлекательна. Только, боюсь, меня за это когда-нибудь прогонят плетью, как менялу из храма...

Фредэ замолчал, а Пижар так и не решился уточнить, кто и откуда прогонит.

Художник начал приходить в сознание. Его руки расслабились. Он широко распахнул еще не вполне зрячие глаза и поднял голову.

– Кто она? – спросил Анж.

Барон и Фредэ замерли.

– Что такое каутагуан? Чальчиуитликуэ?

– Очнитесь, мсье Дежан! Вы пугаете нас! – воскликнул папаша.

– Воды... там, в спальне... – простонал Дежан и попытался расстегнуть ворот рубашки.

Пижар принес кувшин. Художник пил быстро, с жадностью, большими глотками. Остатки воды вылил себе на голову, нисколько не заботясь об одежде. Наконец отдышался и исподлобья глянул на гостей.

– Что это? Шутка? К вашему сведению, я не употребляю наркотиков. Если я и давал кому-либо повод к насмешкам, только не вам. Требую объяснений. В противном случае я

буду вынужден указать вам на дверь, – голос Анжа приобрел стальную нотку, но глаза всё еще выдавали неуверенность.

Папаша Фредэ почувствовал это и перешел в мягкую контраку.

– Пойдите, мсье Дежан! Это вовсе не наркотик!

Художник прислушался к ощущениям собственного тела, встал со стула, потянулся. Медленно прошел по комнате.

– Жжение прекращается. Даже некий прилив бодрости... Ожидаю объяснений.

– Мы, собственно, за этим и пришли, – заверил папаша.

– Только... – Пижар замялся. – Судя по всему, вы видели нечто иное, нежели мы с мсье Фредэ. Это нас озадачило.

– Разве? – повел плечами Дежан. – Вы хотите сказать, что у вас были одинаковые... видения?!

– У нас и... еще двух-трех моих знакомых из Марсея. В доказательство, прежде чем изложить предположения по поводу содержимого орехов, мы опишем вам собственные «путешествия».

* * *

Художник слушал, не скрывая изумления. Он сам только что видел молчаливых обезьян, ягуара и птицу, незримо находился среди оборванных людей в сельве. Его тревожили ночные крики, редкий скрип ветки и неожиданное шуршание листа на дереве рядом. Но к предельно обостренным

чувствам Анжа примешивалось и другое: он изнывал от реальности ощущения, что сейчас всё вокруг наполнится густым шелестом и гулом бьющихся в темноте крыльев. Вернутся желтые бессмысленные светильники-глаза, а вместе с ними беспощадные клювы и когти. Первобытный страх перед возвращением кошмара не исчез даже в тот миг, когда он ощутил качку палубы...

* * *

Черные от загара и едкой копоти, вокруг суетились матросы. Они поливали из ведер раскаленные от жары и горячки боя жерла пушек. Анж ощутил себя капитаном эскадры-победительницы и с гордостью поглядел на растерзанные туши галеонов. Некоторые моряки вытаскивали из воды перепуганных до онемения испанцев, но лишь для того, чтобы тут же отправить их обратно в волны, с перерезанным горлом. Он не желал препятствовать им. Укрощать злобу к врагу было бы неразумно и опасно.

Ему принесли синий с золотом камзол, и он с облегчением сбросил на палубу свою изрубленную кирасу. Ноющая боль отдавалась в плечах и шее, рубашка порыжела от подсохшей крови – своей и чужой. Рядом плеснули на пушку: Анж с наслаждением подставил лицо под брызги.

Победа была быстрой и уверенной. Потопить эти галеоны стало делом чести, так как они несколько дней назад

смели орудийными залпами один из прибрежных городков. Да, просто так, чтобы испугать противника. Поэтому капитан-Дежан отдал подобный приказ по отношению к ним. Души матросов наполнились мрачным ликованием, ведь с этой минуты всё стало проще: на abordаж не брать, топить без пощады. Затем Дежан распорядился ставить паруса.

На марсовой площадке закричал матрос и указал на юго-запад. Анж прильнул к подзорной трубе...

Волны подкатывали к смуглым ногам прекрасной девы. Она стояла, вытянувшись тонкой стрункой, и смотрела на французские корабли. Даже подзорная труба на таком расстоянии не позволяла разглядеть лицо девушки, и всё же он каким-то волшебным образом ощутил ее взгляд. Она смотрела именно на него! Дежан оробел. В голове начали роиться странные слова: кориканча, куско, синтеотль, тлалок. Особенно часто повторялось «каутагуан» и почти непроизносимое «чальчиуитликуэ». Слова повторял завораживающе глубокий женский голос, и капитан в ответ робко зашептал «Те Деум».

Девушку обступили люди в одеждах из перьев, стиснули ей локти и плечи. Она неотрывно глядела на капитана. Дежан, с замиранием сердца чувствовал, что не ошибается, она действительно божественно прекрасна и хочет сообщить ему нечто важное. Сознание Анжа било тревогу, он знал, что сейчас над ним властвует неведомая древняя магия. Он с ужасом начинал понимать, что ожидает ее, что сделают с нею эти

дикие люди. И при этом отчетливо осознал: она сама, добровольно, обрекла себя на нечеловеческие мучения.

Эта смуглая индианка с пронзительными зелеными глазами не кто иная, как...

Легкая каравелла уносила капитана прочь, и матросы не замечали его слез.

А Дежану, в одночасье ставшему мудрее на несколько веков, казалось, что теперь он сам заперт в салоне красного автомобиля...

Жжет в груди.

Пробуждение.

Образ девы расплылся и ускользнул...

* * *

Анж рассказал Пижару и Фредэ о своем видении.

– Боюсь утверждать наверняка, – произнес Пижар, – но мне кажется, что послание нашло адресата.

Папаша отрицательно покачал головой.

– Сначала я тоже так подумал. Но, пока той-той не попробуют как можно больше людей, мы не можем быть уверенными. У других могут возникнуть совершенно иные видения.

– Так что же с пояснениями? – воскликнул Дежан. – Вы сами не устали от недомолвок?

– Разумеется, – ответил Пижар. – Мы считаем, что к нам попало некое послание из прошлого. Во время карнавала

понаблюдаем за поведением наших «путешественников» – вдруг повезет, и тайна будет раскрыта?!

Анж хлопнул ладонью по столу:

– Пожалуйста, по порядку. Какой карнавал?

– Мы же не можем просто так напоить желающих! – вступил в беседу Фредэ. – Нужно обставить это с подобающим антуражем!

– А, – понял Дежан, – карнавал, Карибы, пираты. Вы не опасаетесь, что массовое действо испортит ощущение тайны?

– Ну нет! – загорелся Фредэ. – Конечно, бóльшая часть посетителей воспримет это как экзотическое развлечение. Последние лет пять опиум и гашиш настолько в моде, что той-той посчитают наркотиком. Тот же, кому адресовано послание, поймет его сразу...

– Не стану вам препятствовать, – Дежан всё еще находился под впечатлением от увиденного. – Что вы хотите от меня?

– Афиша! – умоляющим тоном произнес Фредэ. – Дорогой Дежан, я хочу заказать вам афишу.

– Вот как? Боюсь огорчить вас отказом, но – увы! – я не рисую афиш.

Барон Пижар, глядя мимо художника, произнес:

– Я видел вашу картину у мсье Фредэ. Мне еще никогда не было так хорошо... и печально. Лучше вас никто не исполнит эту работу – краски карнавала поблекнут!

– Вы мне льстите, – грустно улыбнулся Анж и после ми-

нутного колебания кивнул. – Я согласен. Денег за афишу не возьму.

– В таком случае, – обрадовался Пижар, – я оставлю вам этот орех. Но предупреждаю: видение бывает только раз. Далее той-той пьется просто как крепкий напиток.

Дежан с опаской посмотрел на орех.

– Я согласен, – повторил он. – Когда состоится карнавал?

– Пятница, тридцать первое июля, «Резвый Кролик», в девять часов вечера. Вход строго в карнавальных костюмах. Заголовок: «Тайны Карибов». Именно так, без объяснений, – с готовностью сообщил папаша.

– Всего через неделю?

– Так ведь начнутся осенние дожди... И еще одна просьба: никому не говорите о той-той.

– Разумеется, – кивнул Анж. – Афишу можете забрать во вторник. А сейчас мне нужно подумать.

– Да, конечно! – Пижар поднялся со стула; папаша Фредэ незамедлительно последовал его примеру. – А мы пока распустим слух по Парижу.

* * *

Вечером Дежан дождался своей очереди полежать в новой ванне. Он уютно устроился меж чугунных крыльев и вновь попробовал странную жидкость. Вопреки мнению папаши и барона, художник еще раз побывал на Карибах. Как и прежде

не запомнив лица девы, Анж очнулся в слезах. Он лежал в остывающей воде и бесконечно повторял странные слова.

Глава 3. Бронзовая треуголка Архипенко

Ночь прошла без снов. Анж поднялся в замечательном настроении. Он уже знал, чем сегодня займется. После завтрака с мадам Донадье художник надел заботливо выглаженный хозяйкой сюртук, захватил цилиндр и любимую трость из красного дерева с набалдашником в виде маленького глобуса. На плечо повесил кожаную сумку с карандашами и чистыми картонами для эскизов.

Он решил прогуляться до Монпарнаса, где его ожидало небольшое дело.

Небо с утра покрылось легкими тучами. Жара отступила. Анж решил не брать зонт: если и пойдет дождь, он будет легким и быстротечным.

Дежан не сомневался, что скульпторы в это утро окажутся на месте. А потому не спешил, отбросив мысль о поездке на фиакре или такси. Художник шел по знакомым улицам и с детским любопытством разглядывал прохожих, дома, витрины магазинов. На некоторых афишных тумбах он замечал остатки плакатов работы великого Мюшá, чьими усилиями была преумножена слава Сары Бернар.

Анжу приветливо улыбались окна. В отблесках стекол Дежан угадывал знаки грядущих перемен. Порой замечая угрюмые лица прохожих, он думал: эти люди больны чтени-

ем газет и излишне серьезно воспринимают напечатанное в политических колонках. Молодежь заставляет себя учиться ненависти к немцам и Австро-Венгерской империи. Сам-то Анж в свое время бывал и в Берлине, и в Вене, познакомился в тамошних развеселых кабачках с уймой шумных поэтов, художников, просто хороших людей. Поэтому ему было странно и неловко слышать от знакомых нелестные отзывы, а то и откровенную брань по отношению к немцам.

Эти мысли не слишком подходили его радужному настрою. Дежан отвлекся и начал размышлять о предстоящей работе. События вчерашнего дня, пожалуй, самого странного в его жизни, отдались в памяти неожиданно яркой вспышкой. Он поймал себя на мысли, что с самого момента пробуждения гнал воспоминания прочь. Было ли происшедшее реальностью? Отчего же он, собираясь на прогулку, старался не глядеть на стул с лежавшим на нем белоснежным орехом?

Это боязнь поверить в невероятное. Было ведь! И палуба, и раскаленные пушки, и девушка с загадочно неуловимыми чертами. Определенно – нет, несомненно! – и красавица у приборя, и та, в салоне такси, связаны одной непостижимой тайной.

Увы, знамения не всегда бывают красноречивыми.

Воспоминание заставило Дежана вглядываться в проезжающие мимо автомобили и экипажи. Но было бы слишком прозаично, если б он сию минуту увидел ту женщину...

И что принесет карнавал?

Ощущение чуда, настоящего, близкого...

Вдохновение завладело им. Подходя к мосту Конкорд, он посмотрел направо, где дальше, над мостом Александра III возвышались колонны. Предчувствие вновь зашевелилось в сердце, и Анж ускорил шаг.

– Дай силы, Господи, принять волю Твою, – художник взглядывался в тучи. – Я сумею выдержать всё, кроме насмешки...

Его лица коснулись первые капли дождя. Дежан застегнул сюртук и поднял ворот.

Решив сделать крюк, он зашагал к рынку Муфтар. Там художник приобрел увесистый кусок говядины, завернутый в плотную бумагу, пышный пучок лука и – на всякий случай – пару бутылей кальвадоса. Ходить с утра в гости он считал вполне нормальным. А творческие люди, особенно в монпарнасском «Улье», были готовы весело провести время и днем, и ночью.

Дежан вышел на задворки Парижа. О том, что он выбрал правильное направление, свидетельствовало мычание коров, которых мясники гнали на бойню. Переступая через бурые лепешки, коими была усеяна дорога, Анж двинулся дальше, к Данцигскому тупику.

Пейзаж изменился. Появилась аккуратная, пересеченная дорожками лужайка, на которой то здесь, то там были рассыпаны скульптуры, многочисленные и разнообразные. Сама круглая башня «Улья» – широкая, двухэтажная, с крышей в

китайском стиле, высилась над остальными постройками. В прошлом это был винный павильон, привезенный сюда с выставки 1900 года его нынешним владельцем – скульптором Франсуа Буше. Хозяин поселил здесь отчаянно нуждавшихся в крове и пропитании художников, скульпторов, поэтов. Будучи человеком добрым, он брал за проживание мизерную плату, а порой и забывал о ней вовсе.

Дождик закончился.

Дежан взглянул на часы и вздохнул. Прогулка по Парижу затянулась. Он достиг «Улья» только к двум часам. От усталости чуть гудели ноги. Мясной сок протек из бумажного пакета и намочил рукав.

Анж заметил, что стекла в окне второго этажа разбиты. Интересно, давно ли Шагал отсутствует дома?

– Ха-ха, – пробормотал художник. – Смешно.

От двери в «Улей» раздался плеск и басовитое уханье. На улицу потек мутный ручеек воды.

– Ну-ка, кто это там? – нарочито громко произнес художник по-русски.

Из-за дверного косяка показался ехидно прищуренный глаз и край пышных усов.

– Ого-го! – загорланил бас. – У нас гость!

Затем обладатель баса, глаза и усов сам показался в дверном проеме – двадцатисемилетний киевлянин Саша Архипенко, скульптор талантливый, наделенный от природы могучими руками и не менее могучим юмором. Сейчас он был

в грубой полотняной рубаше и широких штанах. Его одежда выглядела удивительно чистой, зато руки вплоть до высоко закатанных рукавов покрывал слой подсыхающей глины.

– Здравствуй, Андрей Всеволодыч! Это я фартук решил постирать. Ты унюхал, не иначе: у меня кальвадос и хорошая компания.

– Еще не вечер! – Анж потряс кожаной сумкой, где меж картонов звякнули бутылки.

– Так чего не к вечеру пришел-то? – хохотнул скульптор. – А раз пришел, не морщься.

Из «Улья» донесся необычайно тонкий противный звук, от которого у Дежана побежали мурашки. Мгновением позже звук повторился на новой, низко гудящей ноте.

– Чертов румын снова терзает скрипку. Пойдем, развеселим, а то помрет от тоски и нас за собой утянет, карпатский упырь! – Скульптор с шутливой злостью ударил кулаком по животу одной из кариатид, охранявших вход в «Улей».

В крохотной мастерской-склепе Саши вдоль стен были прибиты многочисленные полки. Они прогибались под тяжестью бронзовых, гранитных, мраморных, гипсовых статуй и статуэток. У двери стояла бадья с глиной, ведро воды и кипа эскизов. Под окном лежал большой деревянный человек с руками и ногами на шарнирах. Он был выкрашен в ярко-красный цвет.

На полу друг против друга сидели маленький художник с лицом обезьянки Хаим Сутин и огромный, бородатый Кон-

стантин Бранкузи – он-то и водил смычком по скрипке, добрая треть грифа которой утопала в его мохнатой лапнице. Дальше, у окна, на одном из стульев примостился самый старший гость – поляк, признанный мастер скульптуры, почтенный Ксаверий Дуниковский. При появлении Анжа Бранкузи отложил смычок, Дуниковский привстал с поклоном, а Сутин, до этого с детским восторгом слушавший игру румына, сгорбился и опустил бегающие глаза.

– Вон туда, на мой стул, – указал Архипенко на свободное место у окна. – Сейчас пить будем, гулять будем. Кажется, все здесь понимают по-русски, – он оглядел сидящих.

– И о деле говорить будем, – подвел итог Дежан. – Собственно, за этим я и пришел.

– Дело секретное? – заинтересовался Архипенко. – А то давай разольем для почину да выйдем на воздух.

– Поешь архиереем, – заметил Анж. – Секрета вовсе нет. И делать-то тебе ничего не надо.

– Па-а-аятно. Ты будешь меня рисовать.

Дежан положил пучок лука и сверток с мясом на стол. Затем вытащил из сумки бутылки и перемотанные бечевой картоны.

– Слушай, Хаим, не в службу, сбегай-ка за стаканами к Добринскому или Налейве, – попросил Архипенко.

– За стаканами – так я! – обиделся Сутин. – И наливать буду как самый младший?

– Ну, от этого я тебя освобожу, – ухмыльнулся в усы Саша

– всё равно разливать поровну не умеешь. Будто и не художник, никакого глазомера.

– А вот и буду! – наивно возмутился Сутин. – Я художник!

– Договорились, – подмигнул Анж. – А мы Марику не скажем, что ты ему окна камнями побил.

Сутин покраснел и с гордо поднятой головой вышел из комнаты.

– Кстати, а где Шагал? – спросил Анж.

– В Витебск уехал, к родным.

– Ясно. Все уезжают, – пожал плечами Дежан. – Может, и не многие вернуться.

– Сейчас тяжело, – кивнул Архипенко. – Ну, да на всё Божья воля.

– Спаси нас Езус! – по-католически, слева направо, перекрестился Дуниковский. – Вот и Вильгельм Лембрук едет в Берлин. Какая тут политика! Он кроме своих скульптур ничего не видит, а должен бежать. Вы же знаете, сейчас раз немец – значит, шпион. А немкой, тем более красивой и белокурой, лучше бы панночке и не рождаться: их полиция хватает просто так. Видели плакаты на улицах, где блондинки за бокалом шампанского подслушивают разговоры французских и английских офицеров? Еще одна жестокая глупость войны. Но каждый сам знает на своем патриотизме. Я здесь живу неплохо и считаю, что многим обязан Франции. На днях запишусь в Национальный легион и буду спасать мир.

Прибежал Сутин со сложенными пирамидкой стаканами.

– Налейва и Добринский ушли в «Клозри-Де-Ли́ла», – оттрапортовал он. – Зато я взял у Кикобина.

Дуниковский прошептал Анжу:

– Кикоин недавно вынул Хайму из петли. Не добже, – и громко обратился к Сутину: – Отнеси-ка ему после полбутыли кальвадосу, подзенькуй за стаканы.

– Непременно отнесу! – расцвел улыбкой Хаим, и глаза его стали светлыми и веселыми. – А это мясо, да? Пожарим?

Архипенко посмотрел на Дежана. Тот кивнул.

– Тогда все на двор! – распорядился Саша. – Вместе со стульями!

* * *

Компания расположилась за «Ульем», подальше, чтобы дым от костра не заползал в окна ротонды. Вместо вертела Архипенко принес стальной прут. Бранкузи с Сутиным отправились за дровами. Дежан откупорил ножом первую бутылку.

– Анжей, у меня к тебе просьба, – сказал Дуниковский. – Хочу лепить твою голову. Добже? Хорошая голова, необычная. Не сглазить бы, только может получиться шедевр. Так что помалюешь Сашонека, а я тебя. Или, может, займу у Саши кусок глины.

– Добже, – согласился Дежан. – Лепи свой шедевр, потом

отдашь крестьянам на пугало.

– Что ты! – нахмурился Дуниковский. – Вы, русские, себя не цените и не любите. Вот только Серж Дягилев себя любит. До речи, он меня приглашает в свой балет делать декорации... Ты умен, талантлив, а говоришь, как дитя. Тебе не хватает уверенности.

– Может, и так, – согласился Дежан. – Разве что вы и цените. Только где найти любовь – и в себе, и в других? Мало ее на свете.

– Не печалься, Анжей, – скульптор хлопнул его по плечу. – Будет день и будет пища. Живи, как знаешь. Любовь сама тебя найдет.

– А то как же! – подтвердил Архипенко. Он отобрал у Дежана нож и приступил к нарезке мяса. – Еще на свадьбу пригласишь. Мы праздновать умеем и любим. Правда, Хаим?

Сутин и Бранкузи уже вернулись, принесли ветки и разломанные доски.

– От твоей правды не скроешься, Александр, – с акцентом, очень медленно расставляя слова, произнес Бранкузи. – Сейчас унюхают из окон и тоже слетятся. Нашел бы того, кто сказал: художник должен быть голодным... и убил бы.

Архипенко воткнул в землю две деревянные рогатки. Сверху положил на них прут, щедро унизанный кусками говядины.

– Костя, у тебя вроде были спички, – обратился он к Бранкузи. – Уж будь добр, расстарайся...

Когда пламя, раздутое мощными легкими румына, хорошо разгорелось, Анж отобрал бутылку у Сутина и наполнил стаканы.

– За вечное вдохновение! Пускай судьба полюбит нас, а мы ответим ей взаимностью!

– Виват вдохновению! – поддержал Архипенко.

Звякнули наполненные до краев стаканы.

– Андрей, ты бы рассказал, зачем тебе понадобился мой портрет, – напомнил Саша.

– Да вот, решил сделать из тебя пирата, – улыбнулся Анж. – Не возражаешь?

– Любопытно, – оживился Архипенко. – Я согласен. Только объясни, зачем.

– Ты бы у Фредэ спросил. Или у Пижара.

– Или у Лулу, – Саша с хрустом вгрызся в луковицу. – Не темни.

– Через неделю на Холме будет пиратский карнавал. Приглашаются все художники, поэты, скульпторы, само собой. Так что готовьте костюмы, иначе Фредэ не пустит. Я рисую афишу.

– А почему пиратский? – с восторгом спросил Сутин.

– Об этом узнаете на самом карнавале. Будет сюрприз. Очень странный, надо сказать. Папаша просил не сообщать.

– Не люблю сюрпризов, – сказал Дуниковский. – Особенно там, где много вина. То, я думаю, сюрприз хороший?

– Ну, хоть попробуйте! – развел руками Анж. – Кому как. Там

разберетесь.

– Саша, а ты вырежешь мне из дерева саблю? – загорелся Сутин. – Костюм я сделаю сам.

– Будет тебе сабля. Принимаю заказы! Вот Ксаверию, к примеру, я вырежу костыль и запасную ногу. Согласен, Дуня?

– Я тебе не Дуня с брудными пятками! – взвился Дуниковский. – Я е поляк шляхетной фамилии!

– Ладно, не кипятись! – расхохотался Архипенко. – Буду называть тебя Саввой!

Саше, этому жизнерадостному человеку с шапкой всклокоченных волос, пушистыми усами и бакенбардами, Дежан слегка завидовал. Внук иконописца и сын механика-изобретателя, Архипенко учился в Киеве и Москве. После переезда в Париж получил громкую славу. Около двух лет назад по всей континентальной Европе прогремела выставка его работ. Аполлинер хвалил скульптора на все лады, но слава не испортила Александра. Дежан завидовал не успеху, а самой личности – цельной и сильной. Архипенко шутил с друзьями, но не зло; смело вступал в борьбу с соперниками, но без излишней жестокости. Впрочем, врагов у него было мало, а волевой взгляд из-под низких густых бровей убеждал в том, что с этим человеком куда выгоднее завести дружбу. Именно благодаря взгляду и сильной натуре скульптора, Анж решил сделать его первым персонажем своей афиши.

– Поди к чертям! – Ксаверий жалел о мимолетной вспыш-

ке. – Вот ты друг, а не уважаешь. Ну, что с тобой делать? Скажу что: язык отрезать. И будет хороший немой скульптор. Хотя ты всё равно себе новый из бронзы отольешь, острее прежнего.

Анж снова наполнил стаканы.

– Да будет наше братство вечным! – торжественно произнес Архипенко. – И чтобы никогда не проходили славные деньки!

– За нас! – подхватили все.

После Дежан взялся за картоны. Сутин придвинулся к нему и стал наблюдать, как ловко летает карандаш в руке Анжа. Художник удивительно точно изобразил лицо Саши, чуть схематичнее очертил плечи, фигуру. Он вел четкие контуры и при этом практически не отрывал карандаш от бумаги. Едва завершив пробный эскиз, подхватил новый лист картона. На рисунке Архипенко уже предстал в камзоле с кружевным позументом и длинной шпагой на перевязи. Правая рука сжимала подзорную трубу, левая покоилась на рукояти кремневого пистолета, наискось воткнутого за кушак. На голове красовался английский парик с завитыми буклями.

– Классика! – похвалил Архипенко. – Да, пока мясо не готово, мы тоже займемся делом. Ксаверий, ты собирался лепить? Тогда пойдем за глиной. Андрей, поверни вертел.

Скульпторы удалились. Анж потыкал ножом в мясо и по сильнее раздул угли.

– Мы как... люди в пещере, – улыбнулся Хаим.

Он уже немного привык к обществу Дежана. Вынул из кофра обугленную щепку и без спроса взял один из чистых картонов Анжа. Тот промолчал: ему нравилась непосредственность Сутина. Дежан знал, что ранее судьба крепко избивала Хаима. Лишь переехав в Париж, этот смешной человек обрел толику душевного покоя. В Сутине наблюдалась странность: добряк был равнодушен к виду подгнившего мяса. И с пугающим правдоподобием рисовал разлагавшуюся червивую плоть. Он сторонился незнакомых людей, избегал дружбы с кем-либо. Тщедушный белорусский еврей из многодетной семьи, Хаим познал нищету и унижения. Сама жизнь означала для него мучение. Здесь же его поддерживали, как могли, Модильяни и Жакоб, Кикоин и Кремень. Вот только с Шагалом не сошелся. И не упускал случая насолить земляку – так, по-мелкому, потому что на настоящее зло не был способен.

Хаим с трудом выражал мысли, частенько переходил с плохо знакомого русского на идиш. А по-французски и понимал-то с трудом, отчаянно стыдясь своего косноязычия и произношения. При всем этом он был бесспорно талантлив; знакомые недоумевали, откуда только у него взялся сильный дар живописца. Приятели из «Улья» и «Бато-Лавуар» жалели Хаима, подкармливали, делились деньгами. Он крепко пил, ел всё, что попадется, а потому часто маялся животом. Сейчас для него был настоящий праздник.

Скульпторы вернулись. Архипенко нес оловянные миски, а Дуниковский – увесистый кусок глины на квадратной дощечке.

– Ух ты! – Саша с восхищением поглядел на снятый с огня вертел. – Лишаюсь чувств! Господа, разбираем столовые приборы! Не взыщите, вилка только одна. Ее отдадим кормилицу нашему Андрею, королю обеда. А мы руками, попростому.

– Да, как люди из пещеры! – не преминул добавить Сутин. Саша нанизал мясо на вертел.

– И увидел он, что это хорошо! – сообщил Архипенко. – Чувствую, наедемся на целую осень. Ты бы почаще приходил, Всеволодыч!

– Раз приглашаешь, уважу, – рассмеялся Анж.

– Мало мяса! – Сутин с разочарованием посмотрел на остатки. – Может, я сбегаю на бойню?

– Ох, смотри, чтобы тебя резуны не поймали, – сказал Бранкузи. – Я слышал, как грозились вора убить и повесить на крюк вместо свиной туши.

– Я незаметный и осторожный, – ответил Сутин. Когда дело касалось еды, он становился бесстрашным.

– Поймают – кричи громко, – предложил Архипенко. – Прибежим, поможем. А кричать придется пуще резаной коровы.

Сутин согласно кивнул.

– Ладно, сегодня не пойду. А завтра в Лувр пойду. Кто-

нибудь со мной хочет?

– Ну, доживем до завтра, – отозвался Дуниковский. – Впрочем, отчего бы нет? Давно собирался снова посмотреть Грецию.

Он поставил дощечку с глиной на свой стул и, присев на корточки, приступил к работе.

Именно Ксаверий впервые назвал Андрея Анжеем, и это имя потом переросло в Анжелюс. И тогда Дежан-Державин почувствовал себя свободным от привязанности к определенной территории, именуемой Российской империей. Он стал гражданином мира, одним из «Председателей Земного Шара», как это потом назовет поэт Велимир Хлебников. Анж научился полагать своей столицей любой город, в котором находился. Иногда он с грустью думал, что подобным мироощущением схож с Сутиным, для которого, казалось, и вовсе не существовало понятия родины. Впрочем, с Хаимом он никогда не говорил на эту тему.

Иное дело Дуниковский, истинный поляк, до мозга костей. О, Варшава, о, Ржечь Посполита! Он был горд и вспыльчив, этот маленький горбоносый шляхтич. В ноябре ему исполнится тридцать девять. А сколько персональных выставок у него было за эти годы, вряд ли он сам взялся бы сосчитать. Ксаверий – восхитительный портретист, известный «ловец душ», и сейчас Дежан с нетерпением ожидал предварительных результатов работы мастера. Ему было необычайно любопытно, каким видит его Дуниковский.

Скульптор работал быстро, время от времени поглядывая на Дежана. Когда их взгляды встречались, Дуниковский ободряюще улыбался.

Анж поймал себя на том, что неосознанно выводит на картоне профиль поляка: маленький подбородок, тонкие губы, большие уши, немного прищуренные глаза. Этот человек, должно быть, счастлив, у него есть родина и множество верных друзей. Он никогда не предаст.

– Смотри, Анжей, – наконец позвал Ксаверий. – Если что не так, говори сразу.

Все столпились у глиняного бюста. Архипенко присвистнул:

– А Савва-то гений. Не устаю восхищаться! Только вот... ты позволишь? – и четкими движениями кончиков пальцев чуть опустил книзу уголки губ на портрете.

– Пожалуй, пожалуй! – согласился Дуниковский. – Анжей, как тебе?

Дежан смотрел на свое отражение. Да, те же черты, та же печаль в глазах – незрячих, без зрачков, как у греческого мудреца. Неотступная тоска одинокого и скучного Пьеро, чье проклятье запечатано в странном, вытянутом лице.

– Да, – выдохнул художник. – Будь я дикарем, непременно обвинил бы тебя в похищении души. Ты слишком хороший мастер.

– Мы действительно можем украсть душу, – задумчиво произнес Архипенко. – Но взамен дарим обновленную.

– Интересная мысль, – отозвался Бранкузи. – Это правда, Бог свидетель.

– Не поминай всуе! – одернул румына Ксаверий. – Искусство – оно человеческое.

– Зато искра – Божья, – парировал Архипенко.

Анж откупорил следующую бутыль. Все с готовностью протянули стаканы.

– За искусство созидающее, – произнес он. – Красиво звучит, но сам я не очень верю.

– Мне сдается, – многозначительно прищурился Дуниковский, – что ты поверишь. Быстрее, чем все мы...

– А есть картины, что убивают, – вдруг встрепенулся Сутин. – У нас в Смиловичах жил один дурачок... кадохэс... Рисовал мелом и углем на заборах. Его били сильно, особенно мясник. Он и меня бил за портрет своего дяди-ребе. Только вот как-то стали люди болеть и умирать. Потом поняли, что мрут лишь те, кому он картинки на стене или на заборе рисует. Наш ребе долго разговаривал с... – Хаим благоговейно ткнул пальцем в небо.

– Чего твой дурак от людей хотел-то? – спросил Архипенко.

– Кто его знает, афорц эн росл! – Хаим сплюнул в траву. – Ребе говорил, что мы нагрешили и нам послано испытание.

– Что было потом? – спросил Анж.

– А так... Его тихо удавили. Жандармы даже не сильно сердились. Урядник поворчал...

– Так-таки и убивали эти рисунки?! – не поверил Дуниковский.

– Да... людям становилось душно, синели... а после смерти картинки сразу пропадали.

– Может, он сам их незаметно стирал?

– Да его в доме заперли и не выпускали. Нет-нет. Я сам смотрел потом – совсем нет следа от мела. Совсем. Ничего. Даже в трещинках. А меня предупредили: если буду рисовать, то как и его... Я тогда убежал в Минск.

– А что было на его картинах? – поинтересовался Бранкузи.

– Он рисовал сов, – ответил Сутин и поморщился, – только не настоящих, а страшных.

Холодок пробежал по спине Анжа. Художник быстро набросал пучеглазое существо с мощными когтями и крыльями – то, которое явилось ему в недавнем видении.

– Похоже?

Сутин с удивлением ткнул пальцем в рисунок.

– Да, такие. Но эти добрее. А клювы у тех были открыты. Как ты... вы... узнали?!

– Можно на «ты», – разрешил Анж и вздохнул. Нечто страшное, уже два дня тревожившее его сознание, приобрело реальные формы.

– Дай-ка! – попросил Дуниковский. – Я покажу знакомому орнитологу. Анжей, а ты-то где их видел? Таких в парижском зверинце нет.

– Не надо нести твоему ученому! – Бранкузи отобрал рисунок у Дуниковского. – Ястребиная сова. Я румын, мы много знаем о совах.

– И о летучих мышах, что сосут кровь, – замогильным голосом простонал Архипенко.

– О них тоже, – без смущения подтвердил Константин. – Такова у нас природа. И... как по-русски... порода.

– Фу ты, жутко, – Дуниковский вздрогнул. – А уже вечерет.

– Я люблю, когда страшно, – произнес Сутин. – Работать лучше. И когда хорошо – тоже.

– У Влада Цепеша в замке были картины, – сказал Бранкузи. – Портреты предков. Только их сожгли лет сто назад. Думаю, правильно сделали.

Румын снова взял скрипку и заиграл что-то печальное и очень мелодичное.

Анжу совпадения казались пугающими.

– Что за веселье? – прокричал кто-то по-французски. – Какие жизнерадостные песни!

– Дидо! – расцвел Сутин.

– Модильяни, – развел руками Дуниковский. – Интересно, почему так поздно. Ведь уже давно должен был унюхать говядину – с самого Монмартра!

Миновав «Улей», к компании вышел Амедео. Он был в коричневой куртке и синем шейном платке. Из-под растрепанных волос глядели черные умные глаза. Походка Модии

казалась легкой, чуть пружинистой. Сейчас он напоминал добродушную рысь.

Его сопровождал худошавый молодой человек с аккуратно подстриженной бородкой-эспаньолкой. В общем, ничего особенного, лица таких людей запоминались не сразу. Ощущая неловкость в чужой компании, гость прижимал к груди саквояж, из которого выглядывали потрепанные бумаги.

При виде Дежана Модильяни несколько стушевался.

– Здравствуйте, мсье, – он отвесил присутствующим шутовской и вместе с тем неподражаемо изящный поклон. – Рад вас видеть. Разрешите представить моего нового знакомого: Леопольд Зборовский... А это бутылка чудесного абсента!

– Вы поляк? – заинтересовался Дуниковский.

– Да, – смутился молодой человек.

– Он поляк и мой новый маршан, – с гордостью сообщил Модильяни. – Если не затруднит, прошу вас перейти на французский. Вы не обижаете моего друга дона Хайме?

– Нет! – засмеялся Сутин. – Едим говядину.

– А, полезное занятие! Мы не помешали?

– Что вы, мсье, – сказал Дежан, – присоединяйтесь. Я пожертвую для вас своей тарелкой.

– Благодарю, мсье Дежан. Называйте меня просто Моди, – Амедео внимательно посмотрел на художника. – О чем беседуете?

– Говорят, в сов превращаются души некрещеных детей, – продолжил Бранкузи по-французски. – Кажется, в Сканди-

навии их называют утбурдами. От них нет спасения одиноким ночным путникам, особенно в метель. Совы воплощают в себе многое: и мудрость, и смерть, и ночные страхи. Выберите, что вам по душе.

– Мне лично по душе вот этот сочный кусок! – Модии говорил уже с набитым ртом. – Даже вилка есть! Цивилизация!

– Вот и поговорили, – нахмурился Дуниковский.

– А я уже всё сказал... – Бранкузи прикрыл глаза.

– Слышали ли вы о карнавале? – вдруг оживился Модии. – Фредэ приглашает всех!

– Да, кстати, нужно успеть! – подхватил Архипенко и исчез в «Улье». Вернулся он с глиной на такой же дощечке, как у Ксаверия.

– Пикассо не говорил, когда вернется? – спросил Модильяни.

– А разве он уезжал? – ради приличия поинтересовался Бранкузи.

– Да, со своей Евой, – кивнул Амедео. – Я так и думал, что вы не знаете.

– Ева – это Марсель Юмбер, – доверительно сообщил Дежану Сутин. – Пабло ее очень любит. Она красивая.

– Так порадуемся за нашего Пабло! – Модильяни поднял стакан с абсентом.

Анж вежливо повторил его жест.

Он не любил Пабло-Барселонца за резкие движения, за остывшие адские угли в бледных глазницах. Этот маленький

дьявол был быстр и опасен. Говорили, он всегда носит при себе револьвер – кажется, настоящий армейский «лебель». Но Барселонец был своим, Монмартр помнил его шумные похождения. Хотя в то же время в дорогой одежде и высокомерном поведении Пабло уже ощущалась холодноватая монпарнасская заносчивость.

В свою очередь он недолюбливал Дежана. Анж объяснял неприязнь Барселонца как проявление зависти. Нет, конечно, не творческой: определенное преимущество в технике, оригинальность картин Пабло порой действовали на Анжа удручающе. В данном отношении он сам по-доброму завидовал Барселонцу – слегка, без тени преклонения. Это проявлялось в том, что некоторые работы Пикассо порождали дикое, сумасшедшее желание работать, изобретать свое, новое, необыкновенное. Дежан раздражал Барселонца своим высоким ростом и титаническим сложением. Полагая, что большие люди – великаны и толстяки – всегда добродушны и бесконфликтны, Пабло иногда похлестывал самолюбие Анжа тонкой плеточкой острот. Впрочем, надо отдать ему должное, Барселонец не переступал грани между шуткой и настоящей обидой. И вместе с тем несколько раз Дежан не без удовольствия слышал от Макса Жакоба, что Пабло серьезно хвалит его работы. Анж втайне надеялся, что они когда-нибудь станут друзьями.

Солнце пробилось из-за туч, выкрасило влажную траву газона в желтоватый цвет.

Как хорошо, подумал Дежан. А ведь это закончится. Судьба разбросает нас по миру. Мы станем другими. Но когда-нибудь, в старости, каждому непременно вспомнится чуть пасмурный день и лужайка, где было так легко и уютно...

– О, а что ваяет наш Александр? – поинтересовался Модильяни.

– Да вот, – улыбнулся Архипенко. – Готовлюсь к карнавалу. Это... деталь костюма. Слышали, что без костюмов не пустят? Советую не тратить времени. Кому-то жены пошьют, а мы выкрутимся по-холостяцки.

Перед ним на доске выросло треугольное сооружение – шляпа с высоко загнутыми вверх полями и узорчатой окантовкой по краям. Сейчас он делал глиняный плюмаж, тонко выцарапывая ножом оперение.

– Треуголку я отолью из бронзы, – сообщил Саша.

– Не тяжеловата будет? – засомневался Амедео.

– Его шее всё нипочем, – не преминул сострить Дуниковский.

– Он-то знает, – буркнул Архипенко. – Польский пан!

– Пан! – хохотнул Моди, изобразив пальцами рожки.

– Сашонек, а ты мне и бронзы одолжи, – продолжил мстительный Ксаверий. – Я для тебя такой хомут вылью – загляденье!

– Ох, дождешься у меня, Дуня! – отвлекся от работы Саша. – Крепко накажу, не посмотрю, что старик.

– Я – старик?! – возмутился Дуниковский. – Вызову на

дуэль!

– Покурить бы... – мечтательно сказал Архипенко и искося посмотрел на Ксаверия.

– У меня только трубочный, – быстро сказал тот. – И его мало осталось.

– Ну, конечно... – приготовился состричь Саша, когда, неожиданно для всех, Зборовский достал пачку редких североамериканских «Лаки Страйк» и предложил компании.

Плотно набитые хорошим табаком сигареты пришлись как нельзя кстати. Одну под насмешливым взглядом Архипенко взял на пробу даже Дуниковский.

– Ты, Саша, – улыбнулся Бранкузи, – открыл бы шляпное ателье. Гранитные канотье, чугунные цилиндры, деревянные котелки. Для дам – особый шик! – медные зимние капоры с завязочками на цепях. – Это будет удивительнее твоей архипентуры. И принесет много-много красивых франков.

– Да, но в каждой шляпе Александер непременно сделает большую дырку! – Модии дружески хлопнул Архипенко по плечу.

– Издеваетесь? – пробормотал в усы Архипенко. – Здесь кого-нибудь мое мнение интересует?

– Эта идея подошла бы и Пабло, – заметил Бранкузи.

– Нет-нет, дырки – это стиль Саша! – возмутился Модии. – Жаль, Пабло укатил в Авиньон без предупреждения.

– Он обещал купить две картины Амедео, – уточнил Зборовский.

– Такова жизнь художников Парижа, – вздохнул Моди. – Мы покупаем работы друг у друга. А маршаны часто делают вид, что нас нет... Выпьем за треуголку Александера! За крепкие шеи славян! – и залпом осушил стакан.

Затем Амедео поднялся с травы.

– Хаим, ты с нами? Мы с Леопольдом собираемся в «Кролик».

– Пожалуй, и мне пора, – сказал Дежан. – Или я тебе еще нужен, Ксаверий?

– Для бюста – уже нет. А глотнуть кальвадосу – таки нужен.

– Догуливайте без меня! – Анж пожимал протянутые руки. – Встретимся на карнавале.

* * *

На бульваре Вожирар Дежан увидел свободное такси и предложил Моди, Сутину и Зборовскому прокатиться до Монмартра.

За рулем оказался бойкий таксист в маленьком клетчатом кепи. Он был разговорчив, и уже через короткое время пассажиры узнали, что зовут его Гастон Маранбер, что он наполовину бельгиец, и что ему приходится быть патриотом двух стран одновременно.

– Будет война, – с горечью говорил Гастон. – Меня не берут на фронт. Ничего, возьмут, когда припечет. Кайзер не

шутит. Люди начинают бояться друг друга. И пассажиры с каждым днем становятся более странными. Вы русский? – Он покосился на Дежана. – Слышно по акценту. Недавно подвозил я другого русского. Глаза у него злые, как у убийцы. Вроде простой человек – усы, серое пальто, котелок... Сидит спокойно, на меня не глядит, а я чувствую: у него внутри вулкан. Сначала показалось, что это шпион. А он мне говорит: «Мы с французами будем союзниками». Словно прочел мысли. Я его высадил у Сакре-Кёр.

Таксист перевел дух.

– Или вот странная дама. Я ее подвозил уже дважды – всё к тому же Сакре-Кёр, а потом на остров Ситэ. Это еще удивительнее. Она прикрывает лицо высоким воротником, и шляпка у нее с плотной вуалью. Должно быть, очень красивая женщина. Казалось, я подвожу ангела. Потом подумал – шпионка. А дама улыбается и говорит: мол, будет спрашивать мужчина в сером – и описывает точь-в-точь того, со злыми глазами! – не говори, что меня видел. Он ее ищет по всему Парижу. Муж, не иначе. Так я ее повез в объезд, через рю Ламарк. Самое обидное, не сумел разглядеть лицо. Только зеленые глаза...

Дежан насторожился.

– ...и ярко-красные перчатки до локтей.

– Как давно вы ее видели?! – подался Дежан к таксисту. –

Вы знаете, где она живет?

– Мсье, не напирайте, а то перевернемся! – сердито сказал

Гастон. – Где живет, не знаю. Вы из полиции?

– Да нет же, – с досадой простонал Анж. – Просто... я ее люблю.

Моди тихо присвистнул.

– И наверняка даже не знаете фамилии, – усмехнулся таксист. – После этого я ее видел только один раз, на рю Лепик. Но вряд ли это сможет вам помочь, мсье. Судя по всему, она из приезжих. Раньше-то я с нею не встречался. Понимаете, ездить приходится много, знаю каждый закоулок Парижа...

– На рю Лепик?! Но почему?.. Это невозможно! А не проезжали ли вы мимо «Резвого Кролика»?

– Да, мы недолго стояли рядом с домом, а потом она вдруг сильно заспешила. Кажется, эта мадам кого-то заметила.

Она увидела меня, подумал Анж. И не захотела со мной встречаться.

Дежан сник. Салон будто сжался, художнику стало трудно дышать. Подступила тошнота – Анж ненавидел замкнутое пространство.

Он не заметил странный блеск во взгляде Модильяни.

Глава 4. Цыганка и капитан

– Что с вами, мсье Дежан? – встревожилась мадам Донадье. – У вас больные глаза. Вы не простыли под дождем?

– Право, не стоит волноваться, – с отрешенным видом ответил Анж. – Это усталость.

– Вам следует поужинать и отдохнуть.

Дежан рассеянно кивнул. Сначала накорми, напои, баньку истопи, потом расспрашивай, подумал он невпопад. Ах да, еще спать уложи.

Чтобы сменить тему, он вкратце поведал мадам Донадье о предстоящем карнавале.

– Увы, в моем гардеробе нет ничего похожего на костюмы эпохи Короля-Солнца. Быть может, следует пройтись по лавкам старьевщиков, – завершил он рассказ.

– Ах, оставьте! – воскликнула вдова. – Вы даже не помните, где я служу! Завтра же подберу вам наряд. А если не подойдет, обращусь к знакомой. Она костюмер в «Комеди Франсэз» и недавно говорила, что у них полностью меняется гардероб к «Тартюфу». Надеюсь, отыщу кое-что.

– О, – смутился Анж. – Мне не хотелось бы утруждать вас.

– Я предложила сама.

Дежан пожал плечами. Он знал, что мадам Донадье женщина сильная и не терпит возражений.

Около одиннадцати вечера Анж поднялся к себе. Там он

зажег свечи и установил этюдник. Дежан мысленно похвалил себя за то, что не поленился совершить прогулку по Парижу и сделать эскизы Архипенко. Внешность других прототипов персонажей для афиши он помнил прекрасно, так как с некоторыми встречался по нескольку раз на дню. Он прикрепил к доске плотный лист бумаги и несколькими карандашными линиями очертил дощатую палубу, резные перила, сети натянутых вант и штурвал. Затем контурно набросал фигурную композицию. Получилось достаточно живо. Немного полюбовался эскизом и лег спать, рассудив, что акварелью следует заниматься при дневном свете.

* * *

Мадам Донадье ушла рано утром. Она оставила в столовой завтрак и записку, где сообщала, что вернется не раньше часу дня.

После завтрака Дежан снова поднялся к себе, перенес этюдник в гостиную и взялся за кисть.

Рисунки акварелью он представлял себе несколько иначе, нежели большинство профессиональных живописцев. С водяными красками он работал почти так же, как с маслом. Его акварели были сочными и наполненными до краев густым цветом – в отличие от полупрозрачных мазков других мастеров, где сквозь цветные пятна проглядывает текстура бумаги.

Он отдельно выписывал каждую мелкую деталь, в нужных местах осторожно вымывая или накладывая поверх еще непросохшей краски отдельные блики и светотени. Труд был кропотливым и занимал много времени. В окончательном варианте рисунок выглядел четким, неразмытым и завершенным до такой степени, что у зрителей перехватывало дух. Недавно три работы Анжа с удовольствием приобрел маршан Канвейлер. Несколькими набросками заинтересовался известный любитель импрессионистических полотен Амбруаз Воллар – и терпеливо ожидал их доработки. Если бы Дежан задался целью, он мог стать модным художником.

* * *

Основную композицию афиши составили пять фигур: одна в центре и по две справа и слева.

Это был разгар бордажного боя. На палубе среди клубов дыма стояли настоящие герои. Крайний слева – Хаим Сутин, юнга в задымленной робе, с черным платком на шее – передавал бордажную саблю стоявшему чуть впереди Аполлинеру. На мокрой от пота груди Гийома болталась боцманская дудка. Гигант широко расставил ноги; у его правого растоптанного башмака лежал сломанный клинок итальянской шпаги.

Правый край рисунка занимал гордо поднявший голову Модильяни в высокой голландской шляпе с медной пряжкой

на тулье. Из-под пряжки топорщились остатки потерянного в битве плюмажа. Моды, не глядя, вгонял шомполом пулю в ствол кремневого пистолета. Перед ним, чуть левее, стоя на колене, целился из мушкета Пикассо – он был изображен в изрубленной на груди кирасе и испанском шлеме-морионе с высоким гребнем.

В центре афиши, впереди всех стоял Архипенко с обнаженной шпагой и коротким кинжалом. Его ботфорты с широкими отворотами были перепачканы гарью. Сашин камзол Анж изобразил малиновым, с вычурными позументами. Саша сурово глядел из-под хмурых бровей; левый ус его был чуть вздернут. Поверх всклокоченного английского парика ослепительно сверкала на солнце треуголка – та самая, которую накануне Архипенко лишь вылепил из глины. За могучей спиной скульптора-пирата поблескивал отполированными рукоятями крепкий штурвал.

Фигурная композиция располагалась на фоне прошитого картечью паруса.

Анж подумал и дорисовал соответственно справа и слева от Архипенко папашу Фредэ в туго обмотанном вокруг головы красном платке и барона Пижара в простреленной широкополой шляпе.

Правый верхний угол афиши Дежан украсил розой ветров, левый – играющим на длинной трубе толстощеким ангелом. Осталось только исполнить в цвете заголовки и текст объявления.

И тогда, словно под гипнозом, Дежан взял карандаш – рука сама вывела над заголовком едва заметный контур венецианской маски...

* * *

Всё еще пребывая в возбужденном состоянии от внезапного вдохновения, Анж перенес рисунок в тень. Теперь афише следовало высохнуть и немного «отстояться».

Работа была исполнена раньше срока.

* * *

Анж решил пройтись к набережной Сены.

Художник нанял фиакр. Под перестук лошадиных копыт он задумался о карнавале. Потом вспомнил об орехе той-той. Желание снова окунуться в неведомый мир стало таким сильным, что Анж едва не приказал развернуть экипаж. Подавив минутную слабость, он подумал, что Пижар и Фредэ солгали. Тропический сок был не так уж безвреден и содержал в себе нечто наркотическое. Чем же еще можно объяснить навязчивое желание вновь и вновь увидеть деву из полубредового видения?!

Дежан отпустил экипаж у площади Конкорд. Он прошел по мосту и направился к улице Святых Отцов, где распола-

гались антикварные лавки.

К своему неожиданному удовольствию Анж еще издали заметил нескладную фигуру Зборовского и приветливо помахал молодому маршану.

– Здравствуйте, мсье, – когда они поравнялись, Дежан заговорил по-русски. – Ищете редкости?

– Вообще-то я заядлый книгочей, – улыбнулся в ответ Зборовский и протянул руку для пожатия. – Если и вы увлекаетесь литературой, с удовольствием готов к обмену мнениями по поводу раритетов и новинок. А что интересует вас?

– Готовлюсь к карнавалу. Мне следует обратиться к коллекционерам...

– О да, карибские встречи! – закивал маршан. – А много ли вы знаете о пиратах? Костюм какой эпохи вам нужен?

– Что-нибудь простое, но в духе тех времен.

– Могу порекомендовать лавку мсье Перрье – во-он там, где вывеска в виде деревянной стрелы. Пойдемте, я вас представлю. Если заинтересуетесь, будете сами его посещать.

При входе в лавку мелодично зазвенел колокольчик. Анжу сразу же показалось, что он попал в уютный мир сотен забытых вещей. Огромные шкафы с экспонатами занимали всё пространство у стен – от потолка до пола. Несколько застекленных тумб в половину человеческого роста были расставлены в шахматном порядке в центре зала. Слева у окна располагался прилавок с медицинскими весами. Возле витрины желтел старинный глобус с латинскими названиями стран и

континентов.

– Жозеф Перрье, – отрекомендовался антиквар Анжу и приятельски кивнул Зборовскому. – Чем могу быть полезен?

Это был мужчина средних лет с изрядной сединой в бакенбардах; его толстую переносицу украшало пенсне на серебристой цепочке. Выслушав художника, антиквар предложил:

– Мсье Дежан, можете осмотреться. А я попытаюсь что-нибудь подыскать. Кстати, мсье Лео, вы как-то спрашивали об одной из тростей Талейрана, – и жестом пригласил Зборовского в соседнюю комнату.

Анж начал неторопливый осмотр экспонатов.

Здесь находилось буквально всё, что могло принести счастье искушенному коллекционеру: от россыпи тусклых монет Римской империи до пары застывших у стены небольших пушек. Эти орудия, как гласила пояснительная табличка, были сняты с русских бастионов во времена Крымской войны.

На полках других шкафов в блаженном бездельи дремали подзорные трубы, секстанты, песочные часы. В углу, между шкафами, на стене покоились шпаги и сабли; темнели полотнища нескольких знамен. Застекленные тумбы содержали разнообразные ордена и медали, ювелирные украшения, а также гербовую посуду. Под стеклом одной из тумб Дежан обнаружил несколько блюд с изображением двуглавого орла. Посуда датировалась девятым годом прошлого века и,

по-видимому, была вывезена наполеоновскими войсками из Москвы.

Отдельное, почетное место занимала доска с шахматами. Белые фигуры были выполнены из слоновой кости, черные – из эбенового дерева и изображали туземных воинов. Надпись гласила, что комплект был изготовлен в 1864 году по специальному заказу вернувшегося из путешествия по Замбези Давида Ливингстона. И вообще, здесь было еще много вещей, предназначение которых Анж даже не брался угадать.

Из-за двери показались Перрье и Зборовский. Последний торжественно нес обычную трость с крючковатым костяным набалдашником.

– С вами приятно иметь дело, – сообщил Перрье. – Вы, Лео, из тех людей, которые не покидают мой дом без покупки. А теперь кое-что для вас, мсье Дежан.

Он протянул Анжу продолговатую полированную шкапулку.

– Надеюсь, это вам подойдет. Если сговоримся о цене, я выпишу специальную квитанцию о приобретении. А то, знаете ли, полиция... Мсье Зборовский отрекомендовал вас как человека вполне надежного, так что, надеюсь, эту покупку вы не станете использовать по прямому назначению.

Анж открыл шкапулку и замер. На красном бархате лежал кремневый пистолет с длинным стволом и красиво выгнутой рукоятью. Оружие было покрыто вычурными узора-

ми из серебряной скани. Затвор походил на клюв хищной птицы, а короткий прямой курок заканчивался круглым колпачком-насадкой.

– Шотландия, середина восемнадцатого века, – прокомментировал мсье Перрье. – К нему прилагаются мешочек с порохом и две пули. Всё на удивление хорошо сохранилось. В честь нашего знакомства отдам... скажем, за две тысячи франков.

Анж выложил деньги на стойку и раскланялся с хозяином лавки-музея.

На выходе Зборовский покачал головой:

– Вы и вправду Монте-Кристо. Вероятно, ваши сокровища с такой же легкостью идут на благие дела.

– По мере моих сил и в случае необходимости, – сухо ответил Дежан. – Вместе с тем полагаю, что трость, которую вы приобрели сегодня, имеет более высокую цену.

– Во-первых, – сказал Зборовский, – пока мсье Перрье вел переговоры о покупке с другим коллекционером, предыдущим ее владельцем, я уже дважды выплачивал предварительные суммы на приобретение трости Талейрана. А во-вторых... черт возьми, вы правы: я тоже человек не бедный!

Они рассмеялись, неловкость была сглажена.

– Если вам, господин Зборовский, интересны подобные раритеты, – сказал Анж, – то у меня дома без дела лежит зонтик, принадлежавший министру Столыпину. Предлагаю обменять его на любую модель посовременнее.

– И сколько я должен доплатить? – с едва скрываемым восторгом спросил Зборовский.

– Оставьте церемонии, любезный Леопольд. Ни копейки, ни франка. А обмен, как вы понимаете, вещь формальная: в конце концов, если хлынет дождь, нужно же под чем-нибудь укрыться...

– Я вам принесу самый лучший зонт, какой только найду в Париже! – еще не верил своему счастью Лео. – Сегодня прекрасный день, вы не находите? И, главное, удачный!

– Я вам отдам ваш раритет тотчас же, как мы приедем на улицу Лепик. Вы ведь мне тоже очень помогли. Давайте поскорее отыщем фиакр.

Почти по всему периметру площади Конкорд, вокруг Луксорского обелиска и фонтанов, расположились десятка два колясок – открытых, с откидным верхом, на высоких колесах, со складными лесенками для удобства пассажиров. Поодаль стояли два маленьких грузовика и несколько такси. Тихо пофыркивали лошади и отгоняли мух аккуратно подстриженными хвостами. Извозчики и таксисты переговаривались в тени своих экипажей.

* * *

Уже садясь в фиакр, Анж внезапно почувствовал на запястье чьи-то сухие крепкие пальцы.

– Мэй, доробанцю храбрый, доробанцю пригожий! Дай

тебе немножко погадаю, грошик на ладошке покатаю! – прокрипел по-русски старческий голос.

Такие тусклые голубые глаза бывают у новорожденных котят и у глубоких стариков. Взгляд цыганки болезненно сочился сквозь бородавчатые щели век. Дежан поморщился и сделал новую попытку протиснуться в экипаж. Не удалось: его довольно крепко дернули за полу сюртука. Обернувшись, Анж наградил досадливым взглядом резвую не по годам старуху и сошел со ступеньки. Зборовский с любопытством выглянул из экипажа.

– Послушай, подумай, потом приходи сказать спасибо. А ладошку свою давай-давай, не бойся...

Она бормотала еще что-то, а Дежан смотрел на тяжелый старухин горб, из которого женщина осторожно вытягивала шею – маленькая, тонконогая черепаха в ветхом платке. И вдруг ее стало жаль чуть не до слез.

– Да гадайте, чего там, – сказал Анж и смущенно отвернулся.

– Правильно решил, бравый доробанец. Не обману. Денег-то возьму лишь малую монету: так положено. Больше не предлагай, обижусь. Покажи ладонь.

Цыганка прищурилась, повела пальцем по линии судьбы, слегка царапнула кожу сухой заусеницей. Анж поморщился: что делать, коли сам позволил...

Палец старухи дрогнул, и она подняла на Дежана пустые глаза.

– Непонятно, – цыганка нахмурилась и покачала головой. – Не видала я такой судьбы. Многого ждала увидеть, доробанцю, а увидела – испугалась. Будет поровну счастья и горя. Боль невиданная, невыносимая – только не сломайся. А сломаешься, всем будет страшная беда. Не сломаешься, придет счастье, какого еще не знал. Встанешь лицом к смерти – победишь смерть. Один встанешь против всего мира, но спасешь мир, храбрый доробанец. Победишь в самой главной войне без выстрела, без штыка, без сабли. Быть тебе спасителем, но никто не догадается о твоём деянии...

– Довольно! – вспыхнул Дежан и сунул цыганке монеты. – Возьмите, здесь пять франков.

– Ну, столько и возьму. До встречи, господин...

Анж уже поспешно залезал в экипаж.

– Доробанец, – задумчиво протянул Зборовский. – Это, кажется, по-румынски солдат. Пехотинец.

Возница щелкнул кнутом. Конь резво застучал копытами по брусчатке.

– До скорой встречи, господин Державин, – сказала цыганка вслед коляске.

Старуха разогнулась, и с ней произошла удивительная метаморфоза. Горб словно втянулся, древние морщины разгладились. Фигура в мгновение ока стала стройной и подтянутой. Но самая поразительная перемена была в ином: глаза цыганки приобрели густо-голубой, почти синий, оттенок; седина в волосах исчезла совершенно, и теперь из-под платка

выбивались густые кудри необычайно сочного рыжего цвета. Теперь на площади Конкорд, скрытая от посторонних глаз двумя ландо, стояла женщина с небесно прекрасными чертами.

– Ангел споеет для тебя серенаду, Андрей, – произнесла она и подбросила на ладони монеты.

* * *

Отпустив счастливого Зборовского с подарком, Анж оставил шкатулку в мастерской и наведалься к мадам Донадье.

– О, мсье Дежан! – обрадовалась вдова. – Как кстати! Сейчас займемся примеркой.

Она принесла большой сверток.

– Ваш карнавальный костюм. Излишне напоминать вам, человеку аккуратному, что по окончании праздника его следует вернуть в приличном виде.

– Разумеется, я буду осторожен, – подтвердил Анж и развернул пакет.

Камзол темно-фиолетового цвета был оторочен золотистым позументом. Стройным рядом переливались перламутровые пуговицы; ручная вышивка по краям петель выглядела изумительно. Вокруг щегольски отвернутых широких манжет вилась белоснежная окантовка из воздушных, чуть потемневших от времени кружев. Вдоль линии плеч красовались некогда желтые, а теперь слегка порыжевшие банты.

Но главной особенностью камзола был запах. Костюм едва уловимо отдавал нафталином, пряным тленом старины. А также немного театральной пылью – горьковатой, впитавшей лампадный дух свечного воска, примесь запаха старых досок сцены и уютную приторность бархатных кулис, в чьих почти живых складках будут вечно таиться тени давно ушедших актеров.

Дежан с наслаждением втягивал в себя восхитительный дух и ощущал, будто само искусство, живое и вечное, переполняет его, вытесняет тревоги минувших дней. Я почти счастлив, подумал он.

– Примерьте же, – предложила мадам Донадье. – Мне сказали, что в этом наряде старший Констан Бенуа в свое время играл Журдена. Это было после того, как актер покинул «Комеди Франсэз» и возглавил «Порт-Сен-Мартен». После смерти Констан камзол приобрела труппа «Комеди» – как реликвию. Увы, не удалось заполучить костюм, в котором он играл Сирано де Бержерака, свою самую гениальную роль. На этот реквизит молятся, как на Туринскую плащаницу.

Дежан осторожно натянул камзол.

– В плечах немного узковат, но я чуть отпущу швы, – прокомментировала мадам Донадье. – В целом отмечу, что мсье Бенуа был крупным мужчиной.

– Могу ли я чем-нибудь отблагодарить вас? – Анж нехотя снимал наряд.

– Если вы спуститесь в подвал, то заметите там большую

ванну, – напомнила вдова. – Какой же вы мальчишка! За вами приятно ухаживать.

Дежан поцеловал вдове руку и поднялся к себе, чтобы упаковать афишу в водонепроницаемый холст.

Когда он вышел из дома, мадам Донадьде поглядела на него в окно и отерла слезу. Сейчас она жалела, что Господь не дал ей ребенка.

* * *

Папаша Фредэ курил трубку на скамеечке у входа в «Кролик». При виде Дежана он поспешно вскочил и шагнул навстречу.

– Если я правильно понимаю... – начал он и осекся.

Анж молча сдернул полотно и протянул папаше дощечку с прикрепленной к ней афишей. Фредэ принял ее дрожащими руками и вернулся к скамейке.

– Вы действительно волшебник, – наконец произнес папаша. – Всё необыкновенно тонко прорисовано! Интересно, какие костюмы будут на самом деле?..

Дежан улыбнулся. Папаша смущенно заерзал на скамейке.

– Это бесплатно, – упредил его Анж. – У меня прекрасное настроение, и мне не хотелось бы омрачать его разговором о деньгах. Над афишей я работал с особенным удовольствием.

– Дорогой мсье Дежан! – растрогался папаша. – Отныне в моем заведении для вас открыт бессрочный кредит. Но все

же вы легкомысленно относитесь к своему таланту. Вам дано нечто большее, нежели земное богатство. Теперь в превосходной степени успех праздника зависит именно от вас! Я слышу, как поют соленые ветра Атлантики!

– Благодарю, – поклонился художник. – Но сейчас я спешу, мне тоже необходимо как следует подготовиться к карнавалу.

– Как, и не пожелаете отметить окончание успешных трудов?

– Надеюсь, мы замечательно отпразднуем на карнавале.

* * *

Возвращаясь, Анж думал о том, насколько насыщенными оказались эти дни. Он был внезапно выдернут из состояния блаженного ничегонеделания, чему очень радовался. Ощущение близкого праздника будоражило его воображение и наполняло предвкушением чудес.

Дома, прежде чем подняться к себе, Дежан заглянул в приоткрытую дверь мадам Донадь. Вдова спала в кресле-качалке. Во сне она прижимала к груди портрет седовласого мужчины. Анж осторожно прикрыл дверь.

Лежа на кровати в своей мастерской, он вспоминал события минувшего дня. Сегодня его окружали лица счастливые и вдохновенные – мсье Перрье, Леопольд Зборовский, мадам Донадь, папаша Фредэ... Все-таки в этом мире есть хо-

рошие люди!..

Его мысли неумолимо возвращались к пророчеству старой цыганки. Положительно, уже каждый день с Дежаном происходило нечто странное. Но что-то подсказывало ему: важнее всех чудес и видений было именно это пророчество старухи с площади Конкорд...

* * *

Утром тридцать первого июля, в долгожданную пятницу, Анж проснулся от громкого шума за окном. Холм гудел от множества криков и взрывов хохота. Сонный художник направился к окну. Шум раздавался по всей улице Лепик, но из окна, выходящего во двор, нельзя было установить его причину. Дежан быстро оделся и спустился по лестнице.

– Похоже, это начало вашего карнавала, – выглянула из-за двери мадам Донадье.

На улице толпился народ – рабочие в засаленных робах и кепи, молочницы в желтых фартуках, цветочники с тележками, прилаженными к велосипедам, прачки, почтальоны, жандармы, студенты, буржуа в котелках и щеголи в соломенных канотье, горничные, стекольщики и точильщики, извозчики, торговцы овощами, кондитеры, таксисты, мясники, танцовщицы кабаре. Отдельными группками держались художники и поэты. Люди заполнили мостовую и что-то горячо обсуждали.

Выйдя за чугунные ворота, Анж сразу же заметил, что народ толпится на углу у лестницы дома номер семьдесят три. Анж уже догадывался, что именно увидит.

Так и есть: его афиша. Отпечатанная типографским способом, – и когда только Фредэ успел не только заказать, но и получить тираж?! – она выглядела действительно привлекательно. Бурное веселье, конечно же, вызвали персонажи афиши, которых коренные монмартруа знали наперечет.

– Смотрите-ка, Сутин ворует саблю у Аполлинера!

– Не смейся, а то Пабло тебе чего-нибудь отстрелит!

– А Моди – какой у него пистолет!..

– Ну, тебе виднее, красавица! Уж не от тебя ли прячется Пикассо?!

– Эй, мясники! Поглядите на вертел в руках мсье Архипо!

Эта простая оценка своего труда порадовала Анжа. Афишу приняли прекрасно. Конечно, ближе к вечеру кто-нибудь сорвет ее на память.

– Такая же висела у Сакре-Кёр, но ее снял падре.

– Да они везде. По всему Холму!

– И на рю Сен Винсент!

– И на авеню Жюно!

– И на афишной тумбе у площади Тертр!

– И даже на бульваре Клиши!

– Да, у «Мулен-Руж»!

Дежан понял, что как минимум десяток плакатов расклеен по Монмартру да еще наверняка кое-где на Монпарнасе.

И подивился, сколько народу, оказывается, живет на Холме. Если представить, что каждый плакат притягивает к себе такое же количество зрителей, то каким образом папаша Фредэ собирается решать вопрос с посетителями?!

Уворачиваясь от крепких приятельских похлопываний по плечам и спине, к Анжу пробился красный от удовольствия Сутин и настойчиво потянул его за рукав. Анж начал протискиваться за ним, пока не оказался перед Аполлинером. Рядом с поэтом обнаружили Модильяни, Дуниковский, Зборовский, Макс Жакоб, Морис Утрилло и даже Гертруда Стайн, которая обычно избегала шумных сборищ. Чуть поодаль стояли Моисей Кислинг и Осип Цадкин.

– Уважил, нечего сказать, – угрюмо произнес Аполлинер по-русски. – Я искал иной славы.

– Анжей, – обиженно протянул Дуниковский. – А почему ты не нарисовал меня? Я такой старый, что в пираты не годюсь?

– Нет, ты настоящий морской волк! – заверил его Дежан. – В следующий раз непременно...

– Благодарю вас, мсье Дежан! – Модильяни пожал руку Анжу. – Только здесь я уж слишком заносчив.

– Мы тебя знаем, – перебила Гертруда Стайн. – Посмотри на себя со стороны. Отправить тебя на фронт – своим горором распугаешь кайзеровскую дивизию. Без единого выстрела.

– К сожалению, меня не возьмут, мадам Стайн, – с досто-

инством ответил Моди. – Вы же знаете, у меня туберкулез. А война во всех отношениях дело вредное. Но я пойду, как только объявят призыв. И, если попаду на фронт, защищу Францию не хуже других.

– Это прекрасная работа, мсье Дежан, – обратилась к Анжу мадам Стайн. – Мне бы хотелось приобрести у вас картины для коллекции.

– Я обязательно подберу вам что-нибудь, – согласился художник, вспомнив, что американка любит принимать подарки.

– Моди, Морис, Хаим, вы со мной? Тогда остальным до встречи вечером! – Она подобрала широкую юбку и зашагала по улице. Толпа поспешно расступилась. Модильяни пожал плечами и двинулся следом.

С уходом Гертруды Стайн разбрелась вся компания. Анж, обогнув по широкой дуге толпу, вернулся домой. Предстояла бурная ночь, и он решил получше выспаться.

* * *

В прихожей его ждала мадам Донадье.

– Взгляните-ка, это дополнит ваш костюм.

Она развернула перед ним длинную ленту из синего шелка.

– Следует повязать вокруг пояса... Вы будете выглядеть, как настоящий капитан.

– Скорее, как губернатор Тортуги, – улыбнулся Дежан. – Очень пышный наряд!

– Будем считать, что вы захватили испанского адмирала.

– Прекрасно! – включился в игру Анж. – Как вы думаете, я оставил ему жизнь?

– С вашим покладистым характером, вы его высадили с остатками команды на необитаемом острове. Или же благо­родно доставили в какой-нибудь нейтральный порт. Это вам более подходит.

– Не стоит меня идеализировать, – парировал Дежан. – Мадам Донадье, я искренне признателен вам за старания...

– Не будьте назойливым, это вам не к лицу.

Он принял пояс.

– Ваш костюм полностью готов, – сказала мадам Донадье. – Вы станете королем бала.

Глава 5. Карибский ветер над Монмартром

У «Резвого Кролика» собралось много народа. Сразу зарябило в глазах от ярких нарядов. Здесь были испанцы в камзолах с шарообразными нарукавниками от локтей до плеч, воротниках жабо и шлемах из тонкой жести, англичане в маленьких черных треуголках и ботфортах – сапогах с пришитыми сверху воронкообразными раструбами, голландцы в наглухо застегнутых протестантских костюмах с короткими полами и туфлях с квадратными пряжками, буканьеры в куртках из шкур мехом наружу и высоких мохнатых шапках.

Гордо реяли плюмажи на шляпах заносчивых капитанов.

Повсюду бродили матросы в широких брюках и кожаных жилетах, в беретах с помпонами.

Стоически волочили за собой на ремнях деревянные сабли бойцы абордажных команд.

Некоторые участники карнавала пришли в легких осенних пальто и плащах, на которых были нашиты самодельные галуны и эполеты. Полдюжины неизвестных Анжу молодых людей нарядились индейцами. Они утыкали простые рубахи раскрашенными перьями и нашили на рукава густую бахрому.

Мужчины были вооружены спортивными фехтовальными рапирами, самодельными пистолетами, игрушечными ру-

жьями – у кого на что хватило фантазии.

Благородные дамы в пышных кринолинах щеголяли высокими прическами. Обмахивались веерами испанские красавицы с неизменными розами в волосах. Проворные хозяйки припортовых таверн коварно прятали в складках юбок муляжи кинжалов.

Народ всё прибывал – кто пешком, кто в экипажах. Таксисты с извозчиками держались в стороне и посмеивались над необычным зрелищем. Из-за углов окрестных домов выглядывали любопытные мальчишки.

Рядом с кабаре, прямо на мостовой, было установлено около дюжины длинных грубо сколоченных столов с простыми скамьями: Фредэ заранее позаботился о гостях, которые не поместились бы в залах «Резвого Кролика». На столах уже были расставлены глиняные миски, кружки и стаканы, лежали в связках ложки и столовые ножи. Часть толпы стояла чуть поодаль, заранее присматривая места.

К Анжу подошли Пижар с Аполлинером.

– Дорогой Дежан! – У барона не было карнавального костюма, но он экзотично выглядел и в своем повседневном убранстве. – Вы меня невыразимо порадовали! Мне еще никто в жизни не делал такого прекрасного подарка.

Он указал на афишу у входа в «Кролик».

– Да, мсье Дежан, и я хочу вас поблагодарить, – сказал Аполлинер. – Пришлось сделать костюм похожим на придуманный вами.

Действительно, поэт был в старых потрепанных ботинках, обрезанных чуть ниже колен брюках и простой рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами. Могучую талию Гийома охватывал алый шарф, а голова была обвязана такого же цвета платком.

– Вы сами можете переодеться в «Кролике», – сообщил он. – Папаша Фредэ не будет возражать. Тем более что вы стали неотъемлемой частью праздника. Ой, это Мари...

Анж проследил за взглядом Аполлинера. Недалеко от них на перекрестке остановилось открытое ландо. Из него вышла хрупкая женщина с бледным овалом лица и большими, чуть раскосыми глазами. Уголки ее маленьких губ были скорбно опущены, веки темны, словно от недосыпания или болезни. Кто-то из мужчин галантно протянул ей руку, и она с неповторимым шармом улыбнулась кавалеру. Дитя века, Мари наверняка могла бы стать звездой синематографа и с успехом играть холодных, сильных духом красавиц, обманутых коварными ловеласами. Такие женщины неизменно умирают в конце картины.

Однажды Дежан видел ее на Вандомской площади и, не зная имени этой женщины, засмотрелся вслед. Художница Мари Лорансен обладала тем опасным женским обаянием, которое могло заставить мужчин совершать необдуманные, порой трагические поступки. Аполлинеру ее представил Пикассо. Это произошло в девятьсот седьмом, и поэт потерял голову на целых семь лет. За время знакомства, будучи лич-

ностями сильными и независимыми, они попросту измучили друг друга. А история с кражей «Джоконды» из Лувра и сенсация, что к похищению якобы причастен Аполлинер, фактически развела их навсегда. Поэт был оправдан и выпущен из тюрьмы Санте, где провел три недели. У ворот его встречали многочисленные друзья, однако не было той, которую он жаждал увидеть больше всех...

Боль от разрыва отношений для поэта усугубилась еще и тем, что Мари всего месяц назад, в июне сего года, вышла замуж за красавца-немца Отто Вайтгена с Монпарнаса.

– Надеюсь, мсье Дежан, вы не осудите меня за малодушие, – криво улыбнулся Аполлинер. – Ее присутствие мне невыносимо. Меньше всего я хотел бы повстречаться с ней глазами.

– Нисколько не осужу, – кивнул Дежан.

– Я не уйду насовсем. Это было бы трусостью. Мы встретимся позже, когда карнавал начнется.

Гийом удалился с напускным безразличием. Анжу стало искренне жаль этого мужчину – большого, сильного, с очень ранимой душой.

– Мне тоже следует на время отлучиться, – важно произнес Пижар. – У меня сегодня особая миссия.

Он подошел к фасаду «Кролика», где на нижних ветвях ивы висела настоящая, до блеска начищенная, корабельная рында. У нее-то и встал барон, словно швейцарский гвардеец у врат Ватикана.

Справа захохотали.

– Мой друг Хайме! – послышался веселый голос Модильяни. – Определенно, тебя когда-нибудь мясники поймают и съедят!

В окружении кучки зевак с гордым видом стоял Сутин. За неимением карнавального костюма, он раскрасил яркими красками простую белую рубашу и холщовые штаны. Предметом насмешек был огромный разделочный нож, висевший у его пояса на куске бельевой веревки.

– Сенсация! Похищение века на монпарнасской бойне! – не унимался Моди. – Массовое самоубийство парижских мясников! Их ритуальный предмет похищен великим художником!

От смеха Амедео окружающим становилось не по себе. Было удивительно, как этот взрывающийся резкий звук сочетается с изысканной, аристократической внешностью Моди. Однако Сутин не обижался: видимо, такой смех в свой адрес он слышал часто.

Анж подошел к «Резвому Кролику», где Берта-Бурги-ньонка, стоя на приставной лесенке, украшала знаменитую вывеску кабаре гирляндой желтых роз. На вывеске кролик в картузе, алом галстук-бабочке и того же цвета шарфе-поясе выскакивал из кастрюли, с ловкостью жонглера удерживая на лапке винную бутылку.

Зеленые ставни были сплошь увешаны блестящей новогодней мишурой. Среди листвы виноградных лоз, опутав-

ших фасад, притаились пушистые звезды астр.

– Мадам Берта! – обратился к Бургиньонке Дежан. – Мсье Жерар у себя?

– Слышу, слышу! – Папаша Фредэ выглянул из окна второго этажа. – Очень рад! Прошу вас, поднимайтесь!

В первом зале кабаре несколько гостей облачались в костюмы. Среди них Анж узнал длинноволосого Поля Фора с прямыми острыми стрелами гусарских усов, Кислинга с прической, похожей на шляпку гриба, Андре Сальмона с гладко выбритыми щеками и идеальным пробором аккуратно приглаженных волос. В углу попеременно поблескивал то лысиной, то пенсне вездесущий Макс Жакоб – он что-то черкал в записной книжке.

Мимо Дежана прошла дочь папаша Фредэ. К ее плечу был пришнурован кусок исцарапанной кожи, на котором восседал небольшой ворон – еще одна достопримечательность «Резвого Кролика». Девушка обвела зал мутноватым равнодушным взглядом и вышла на улицу. Анж понимал, что ей приходилось видеть не только карнавалы. И, возможно, в немалой степени ее безразличие и отрешенность были вызваны гибелью сводного брата.

– Дорогой Дежан, переодевайтесь без стеснения, – папаша Фредэ встретил художника в дверях своей комнаты. – Дамам я выделил отдельное помещение. Ах да, возьмите, это вам...

Он протянул Анжу листок бумаги, на котором чернилами было написано: «Той-той».

– Это чтобы вам выдали отдельную порцию. Барон выставил два ящика. Этого мало для угощения всех присутствующих. Вы же, безусловно, попали в список самых желанных и почетных гостей. Бумагу следует предъявить моей жене в любой удобный для вас момент.

– У меня еще осталось немного напитка, который вы принесли во время визита.

– Мсье Дежан, быть может, вам ничего не стоило нарисовать прекрасную афишу. И по той же причине вы отказались от гонорара. Однако я не люблю считать себя должником. Это мой личный приз.

Анжу не оставалось ничего иного как согласиться. Он облачился в свой камзол и препоясался синим шарфом, за который осторожно засунул кремневый пистолет. Папаша Фредэ посмотрел на художника с уважением.

На улице Дежан заметил, что народу прибыло еще больше. Многие заранее надели костюмы и теперь вели себя весело и шумно. Анж с любопытством разглядывал пестрые наряды. Ему хотелось увидеть Сашу Архипенко, но, видимо, скульптор запаздывал.

Папаша Фредэ выгнал из кабаре посторонних. Готовилось нечто интересное.

* * *

Пронзительный звон рынды перекрыл гомон толпы, заме-

тался эхом среди домов.

Дверь «Кролика» распахнулась. Оттуда вышла Лулу. Ее уздечка и маленькое седло были украшены розами, хризантемами и гроздьями винограда.

– Слава священному животному! – выкрикнул Пижар и снял фуражку.

– Слава! – громогласно подтвердила толпа.

Королевской походкой из-за двери выплыл папаша Фредэ. На нем красовалась надетая поверх красной косынки шляпа. Штаны были заправлены в ботфорты на высоких каблуках – наверняка от души постарался знакомый сапожник. На красиво вышитой перевязи висела бутафорская шпага.

– Друзья! – с пафосом начал папаша. – Я рад столь приятному обществу! Будем же веселиться!

Толпа ответила одобрителем гулом.

– Только что вы почтили уважением наше священное животное, – продолжал он.

Собравшиеся притихли.

– Конечно, для пущего эффекта я мог бы появиться верхом на Лулу. Но и тогда я вряд ли походил бы на Христа при въезде в Иерусалим.

Из толпы донеслись отдельные смешки.

– Однако и я могу подарить вам чудо... – Фредэ сделал эффектную паузу. – С этой минуты в течение получаса вино и еда подаются бесплатно! Барон, бейте в колокол!

Толпа, сраженная столь неожиданной щедростью, снова

разразилась ревом. Все ринулись к столам. Папаша ощущал себя королем. Несколько нанятых на этот вечер разносчиков ставили на столы дымящиеся блюда. Ими бойко распоряжался Шоколад. Он был в костюме мавританского корсара – в чалме с павлиньим пером, бирюзовой жилетке и немислимых шарообразных штанах.

Воздух наполнился дразнящими запахами жареной свинины, говядины, баранины, вареных овощей и густой похлебки. Тут же на столах появились кувшины с вином. Разносчики выкатили два тяжелых бочонка и выбили пробки. Тотчас образовалась очередь. Лулу занервничала, ее поспешно увели в стойло.

А папаша Фредэ крикнул из окна второго этажа:

– Мсье с пропусками, войдите в зал!

Обладатели билетов потянулись внутрь «Кролика». Анж издали узнал Модильяни – тот был в широкополой шляпе с плюмажем из куска опереточного женского боа. Позади шагали Аполлинер, Сутин – его присутствию на тайнстве той-той Дежан немного удивился – и Жакоб в элегантном котелке с пришитым к нему ворохом петушиных перьев.

Столы в «Резвом Кролике» были украшены подсвечниками с только что зажженными свечами. Избранные без труда разместились в залах. Анж по своему обыкновению сел в дальнем углу у очага. Подождав, пока прибывшие устроятся поудобнее, папаша Фредэ запер дверь изнутри.

– Любезный Фредэ, – произнес Жакоб, – не собираетесь

ли вы провести сеанс столоверчения?

– Я выставил много вина, – сказал Фредэ. – По крайней мере, на полчаса нас оставят в покое. Каждый из присутствующих получит вот такой предмет. Это той-той, напиток из Америки. Он станет для вас пропуском в иное время... или же в иной мир. Рекомендую налить совсем немного и выпить залпом. То, что вы почувствуете и увидите, будет очень странным. Поэтому не уверенным в своей душевной крепости рекомендую хорошо подумать, стоит ли принимать напиток вообще. По той же причине мы не приглашали женщин.

– Вы нас более пугаете, чем интригуете, – заметил Жакоб. На улице раздавался монотонный гул. Здесь же было слышно, как потрескивает свечной воск.

– Я готов, – наконец раздался голос Аполлинера.

– Я готов! – эхом вторил Модильяни.

– Я готов! – в свою очередь отозвался Сальмон.

Берта с дочерью разнесли по столам сосуды – каждому гостю по одному.

– Тогда прошу наполнить стаканы, – произнес Фредэ. – Вы совершите путешествие лишь один раз. А потом... потом той-той станет просто экзотическим напитком. После вашего возвращения я готов выслушать любые предположения о том, чем же это может являться.

* * *

Анж намеренно запоздал, наблюдая со стороны, как меняются лица присутствующих. Одни сидели с блаженно закрытыми глазами, другие были насторожены, третьи крайне напряжены. Со всех сторон раздались тяжелые вздохи и сдавленные восклицания: никто не был готов к жгучей остроте напитка. Потом всё замерло. Наверное, такая тишина царит в опиумных салонах Шанхая. Фредэ и Пижар также с интересом и некоторой завистью наблюдали за окружающими – ведь им-то больше никогда не попасть в тот странный и прекрасный мир...

* * *

Художник решился глотнуть напиток, лишь когда самые стойкие из гостей начали подавать признаки жизни. Последнее, что он увидел до погружения в транс, были зрочки Макса Жакоба, быстро бегающие под полуприкрытыми веками.

* * *

...Анжа вновь закачали тропические волны, и распахнулось черное южное небо, покрытое мириадами ярких звезд.

Беззлобно рыкнул в темноте ягуар, придвинулись ближе любопытные глаза обезьян. Оставив добычу, шумно вспорхнула к пальмовым кронам хищная птица. Прогремели в сельве искореженные доспехи. Немыслимо далеко на востоке скрипнула ржавая якорная цепь.

Но на этот раз всё было словно понарошку, как декорация в театре...

Только она казалась настоящей – смуглая девушка на краю прибора. Ей мешали грубые путы на тонких запястьях, и она звала Анжа глазами – невыносимой мукой в ярко-зеленых зрачках. Черты девушки были всё так же размыты и неразличимы.

И тут Дежан услышал ее бархатный голос – настоящий, уже не долетавший до него эхом сквозь гром сражения...

Сознание вернулось.

Анж нащупал кувшин и запил водой резкую горечь. Рядом послышались растерянные выкрики, грохот посуды, но он не желал раскрывать глаза. Ну же, еще минуту!..

* * *

Действительность вырвала его из видения. Как сквозь туман он увидел раздраженного Фредэ и хмурого Пижара, который стоял рядом с папашей.

– Этому нет объяснений! – крикнул папаша и припечатал кулак к столешнице.

Затем он подошел к двери и щелкнул замком.

– Я понимаю, мсье, вам необходимо осознать происшедшее. Конечно, следовало ожидать, что сегодня дискуссии не выйдут. Прошу прощения, но желание поделиться тайной оказалось поспешным. Ведь я рассчитывал на серьезное обсуждение...

Фредэ окончательно расстроился. Воцарилась тишина, лишь было слышно, как откатилась к стене чья-то упавшая тарелка.

– Я предупреждал вас, мсье Жерар, что эта затея опасна, – вполголоса молвил барон. – Не хватало, чтобы нас сочли колдунами. Необъяснимое вызывает страх, а вместе с ним и вспышки первобытной ярости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.